

ГЛОС

ИЗДАНИЕ «ВТОРОЙ ШКОЛЫ»
№ 11 ВЕСНА 2010

ОТ РЕДАКЦИИ

Приход Весны — это не день, не час.

Это одна секунда, когда глубоко вдыхаешь воздух, ощущаешь чистый запах проснувшейся земли и влажной коры деревьев и говоришь: «Весна!»

Уже после первых ярко-солнечных, звенящих ручьями и каплей мартовских деньков стало казаться, что зима была не такой уж долгой и трудной. Она останется в нашей памяти радостно-снежной, бодряще-морозной, настоящей московской зимой.

Весна, между тем, всюю хозяйничает в городе, в наших душах и в нашем Лицее.

Все вторюшкольные часы уже переведены на летнее время, позади 8 Марта, первые весенние каникулы. Полным ходом идут вступительные испытания в Лицей, одиннадцатиклассники готовятся к выпускным и вступительным экзаменам.

А впереди — жизнь, озарённая новыми открытиями, новыми достижениями, новыми победами. Впереди май, из-за плеча которого будет солнечными зайчиками заглядывать в глаза послеэкзаменационное лето.

2010 год наполнен множеством важных для нас событий. Это Год Антона Павловича Чехова, год Учителя, год 65-ой годовщины Дня Победы...

Хочется поговорить обо всём. О весне, которая каждый год возрождает в наших сердцах надежду, нежность и любовь. О литературе, которая помогает нам понимать мир и самих себя. О Великой Победе, которую приближали своими жизнями наши деды и прадеды. О родном Лицее, победами которого гордимся. Обо всём, чем живёт «Вторая школа» и каждый из нас.

Пусть этой весной наш ГОЛОС будет звучать звонко и чисто! Пусть всем нам этой весной будет Солнечно!

Искренне Ваша, редакция

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Селиванова И.В., Сейфулина А.Ю., Ефименко Г.П., Волошенкова Л.А, Кривякова Т.Ю., Васян С.И., Васянина А.В., Кондратьев А.В., Ковальджи А.К., Гусева И.В., Луканцев Ю.С., Богоявленская М.Е., Андрианова О.П., Зацерковная И.А., Власов А.Д., Викулова О.В., Хворостюк Т.С., Медведев К.В., Козеренко К.В., Воропаева Е.Т.

Васильева Александра, Лазарева Елизавета, Назарова Анастасия, Вихляев Никита, Ларшина Екатерина, Муфтахов Рустам, Свихнушина Екатерина, Цветкова Александра, Бакулина Мария, Малащенко Ирина, Федюшкина Анна, Бакулина Мария, Зеленко Кристина, Дмитриева Анастасия, Шленцова Анастасия, Шеботинова Елена, Зеленко Кристина, Думаревский Александр, Ткаченко Даниил, Погорелов Никита, Церетели Мария, Подольский Александр, Зайцев Станислав, Капустина Татьяна, Аль-Авади Дмитрий

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Антон Павлович Чехов. Всматриваясь в жизнь	5
Мелихово. Усадьба радости	6
Моё знакомство с Чеховым	9
Зерно доброй и чистой истины	10
Времени ещё много	10
Легко и близко	12
Литературная викторина	13

ВЕСНА

Без чего не бывает весны?	14
Насколько сильно ты сходишь с ума весной? <i>Тест</i>	15
Верите ли Вы в любовь с первого взгляда?	16

ВОСПОМИНАНИЯ О ШКОЛЕ

«Вторая школа»...	
<i>Размышления выпускника далёких шестидесятых</i>	18

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Весна пришла!	21
Художник	22
Штиль	23
У Вас впереди целая жизнь	25
Многоликая Ася	27
Молитвы писали люди... ..	29
Научи меня летать! <i>Стихи второшкольных поэтов</i>	30

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Геометрия Лобчевского на уроках геометрии в школе	32
О конференции в школе	48

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Пицца для ума	33
---------------------	----

РАЗНОЕ

Второшкольные новости	35
Встреча Д.А. Медведева с победителями школьных и студенческих олимпиад	37
Субкультура Аниме	40

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСКУССТВУ

Копенгаген	42
------------------	----

РАЗГОВОР С ПСИХОЛОГОМ

Любовь... Разная такая... ..	46
------------------------------	----

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Всматриваясь в жизнь

Но почему, почему красивые, добрые люди так несчастны? Почему их жизнь, которая могла быть нужной и полезной многим, оказывается бездарно и бессмысленно выброшенной? Почему их самые лучшие мечты и надежды звучат с такой безнадёжностью? Почему они гибнут так глупо и бестолково? Тузенбах в «Трёх сёстрах», Треплев, да и Нина Заречная в «Чайке»... Из-за них Чехова называли пессимистом и очернителем жизни. Но, может, именно такие жестокие и страшные вещи нужны, чтобы привести нас в чувство, заставить задуматься о своей собственной судьбе? И всё же в чём причина? Да, наверное, всё в том же — в запутанности человека, в безволии, в бездействии. Мы, писал Чехов в записных книжках, есть то, во что мы верим. А у нас так: «...была жажда жизни, а ему казалось, что это хочется выпить — и он выпил вина». Но если мы вдруг уже презрительно осудили таких «героев» — это наша личная проблема. У Чехова мы не услышим — ни явно, ни подспудно — ни ноты осуждения. Антон Павлович не таков.

От Чехонте до Чехова

Он рассказал нам много историй. А его собственная история началась очень давно, 150 лет назад, 17 января (по новому стилю 29-го) 1860 года. Тогда в уездном го-

родишке Таганроге родился врач, писатель, драматург, чьи пьесы, совсем немногочисленные, принесли ему мировую славу. Удивительный человек, заставляющий смеяться и плакать, задумываться о судьбе, чувствовать боль от бессмысленности обыденных вещей и безнадёжности наших надежд. Чувствовать радость открывающейся где-то впереди великой и прекрасной жизни, которая когда-то, когда-то... обязательно настанет. Впрочем, в тот момент, когда он родился, да и долгое время спустя ничто не предвещало такого оборота событий. Обычная семья средней руки купца (бывшего крепостного), впоследствии разорившегося и перебравшегося на заработки в Москву. Провинциальный быт и повседневную жизнь небольшого городка со всеми его обитателями — от городничего до вечно пьяного сапожника — будущий Антоша Чехонте изучал не по чужим словам. Окончив гимназию в родном городе, он поступил в Московский университет на медицинский факультет, как сказали бы сейчас, на бюджетное отделение, со стипендией. Но где тот студент, которому хватало бы стипендии?! Пришлось искать заработок, и будущий медик Чехов начал сотрудничать в различных мелких газетках, пописывая фельетоны, придумывая подписи под комическими картинками и так далее. Так вот, по нужде и необходимости, вместе с врачом рождался будущий великий писатель. И хотя сам он утверждал: «Медицина — моя жена, литература — моя любовница», — время расставило акценты по-своему. Впрочем, время? Не мы ли сами по своему вкусу расставляем эти акценты? Надо полагать, для крестьян, спасённых Чеховым от холеры, или сахалинских колонистов всё было совсем иначе... И не будь этих мужиков и каторжан, не было бы того Чехова, которого знаем мы. Комизм и юмор, начиная с первых литературных экспериментов, прочно вошли в его образ, но всё же мне он кажется гигантом, в котором мы чаще всего видим только эту сторону — насмешливого Антошу Чехонте, умеющего тонко подметить наши такие человеческие глупости и недостатки и так выпукло показать их нам. Чехов огромное, многограннее. Читая его произведения, созданные в разные годы, видишь, как растёт и созревает, может быть, главное в нём. От иронии и насмешки — к состраданию, к ощущению тайны и боли жизни, к очень глубокому осмыслению судьбы России, которыми делится Чехов в своих поздних рассказах и пьесах: в «Вишнёвом саде», «Трёх сёстрах», «Палате № 6», «Архиерее», «В овра-

«Увальню» Антоше 19 лет. День окончания гимназии. Таганрог. 1879

Возвращение с острова Сахалин. Пароход «Петербург». 1890

А.П. Чехов. Москва. Ноябрь 1891

ге». И тогда даже гротеск и ирония приобретают совсем другой, значительный смысл. Чехов бесконечно внимателен к происходящему, пристально всматривается в жизнь. Он пишет об обиденном, повседневном, привычном, о мелочах, но, читая его, вдруг ощущаешь в этом привычном глубокую скрытую суть. Порыв ветра, зябнущие руки, блестящее в лунном свете горлышко бутылки на плотине, какие-то совершенно не относящиеся к развитию действия реплики героев — всё это наша жизнь. Чехов-философ не придумывает, он показывает её как она есть, не редактируя. Здесь очень хорошо понимаешь, что вопрос не в том, на что и как смотреть, а в том, кто смотрит. Смысл вещей великих, прекрасных очевиден: сами величие и красота оправдывают их существование. Но вот увидеть его в мелком, глупом, слабом, нелепом? Чехов будто его предчувствует и оттого вглядывается в мелочи жизни сам и побуждает к тому же нас. Нет, он не даёт ответа, не объясняет, но ты ощущаешь его искание, его всматривание в загадочную в своей обыденности жизнь в поисках её сокровенного смысла — и начинаешь чувствовать и искать сам.

Маленькие люди

У Антона Павловича особое место в русской литературе. Он как будто замыкает ряд русских писателей XIX века, завершает почти столетний цикл истории русской культуры с её темами, вопросами, проблемами. В творчестве Чехова темы эти доходят до предела своего развития. Одна из них — тема маленького человека, начатая Пушкиным и Гоголем. Выведенные ими образы трагичны, мистичны, даже inferнальны — чего стоит одна только пугающая прохожих мстительная тень Акакия Акакиевича! Любитель русской классики вспомнит и мягкие, романтические образы Достоевского. Маленький

человек Чехова — а таковы большинство его героев — не воспринимается ни трагичным, ни тем более мистичным. Смешны не столько ситуации, в которые попадают чеховские персонажи, — само их существование, если верить в магию имени, уже насмешка. Пришибеев, Очумелов, Хрюкин... Село Блины-Съедены, где жил Василий Семи-Булатов, написавший знаменитое письмо к учёному соседу, или деревушка, известная лишь тем, что там «дьячок на похоронах всю икру съел»... Но за гротеском прячется бессмысленность, заброшенность, даже сиротство этих людей, не понимающих, ни зачем, ни ради чего они живут, и не понимающих того, что они этого не понимают. В записной книжке Чехова есть строчки, вошедшие потом в один из рассказов: «Отец Алексей, чтобы успевать на проскомидии, брал своего племянника Иллариона помогать; Илларион читал записочки и записи на просфорах, читал 18 лет и ни разу не спросил себя, хорошо это или дурно, а только получал по четвертаку с обедни. Веровал ли или нет в то, что делал, неизвестно, так как он ни разу не подумал об этом. И вдруг, через 18 лет на бумажке написано: „Да и дурак же ты, Илларион!“» Их трагедия ясна для автора, может быть, для читателя, но только не для них самих. Откуда рождается это сиротство? Может быть, из отсутствия чего-то важного, того, что давало бы смысл нашей жизни, из отсутствия если не Бога, то искания Бога. В одном из дневников Чехов пишет, что между есть Бог и нету Бога — огромное поле, но для русского человека есть лишь либо то, либо другое. Здесь, скорее, второе. А ведь в искании Бога уже есть Бог, как и поиск смысла жизни уже даёт ей смысл. Но в том-то и дело, что нет этого поиска... Да и часто ли мы задумываемся о смысле нашей жизни? Больше о чём-то «насушном». И потому там же Антон Павлович пишет: «Вы должны иметь приличных, хорошо одетых детей, а ваши дети тоже должны иметь хорошую квартиру и де-

Одна из последних фотографий Чехова. Ялта. 1901

тей, а их дети тоже детей и хорошие квартиры, а для чего это — чёрт его знает». Вот проблема. Были да и есть те, кто считали и самого Чехова атеистом, но что интересно — при всей его иронии над теми же дьячками да батюшками, над их глупостями и слабостями он никогда не смеялся над искренней верой своих героев. Почитайте удивительный, пронизанный вдохновением и красотой пасхальный рассказ «Студент»: «Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а её дочь смутилась, то, очевидно, то... что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Пётр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух...» Для Чехова в этой вере живёт глубокая человечность его героев, та самая, над которой нельзя смеяться, потому что в ней и теплится в человеке Бог, объединяющий нас друг с другом. И потому же очень редко комическими персонажами были у него крестьяне. Будто видел он в них, простодушных, некую природную мудрость. Вот как в рассказе «В овраге» говорит один такой мужичок в споре о том, кто важнее и старше: «Кто трудится, кто терпит, тот и старше». Возможно, здесь ещё один ключ к чеховскому гротеску — несоответствие самим себе, нежелание трудиться и терпеть, не убегая от себя настоящего, ложь и маски, удаляющие нас от этой тёплой, сердечной человечности. И именно эти личины, нет, не сдёргивал, скорее просто предъявлял нам Антон Павлович. Не узнаём ли мы в этих чеховских героях и самих себя, когда лицемерим, стараемся выглядеть значительнее, чем есть, когда великую важность придаём вещам по большому счёту мелким и ничтожным.

«Мы попали в запендю...»

Герой Чехова живёт в ловушке собственных фантазий, глупостей и слабости, он не способен противостоять обыденности, не хочет перемен. «Мы попали в запендю...» — говорит ни к селу ни к городу один из персонажей «Чайки». Не «в западню» — в этом чувствовалась бы некая трагичность, а так лишь бестолковость и нелепость. Трагедия опять скрыта где-то внутри. Мы не в силах вырваться из этого заведённого круга. Эта тема открывается и в юмористических произведениях, например в «Предложении» или «Открытии», и в очень серьёзных, таких как «Три сестры» (помните: «В Москву, в Москву...»), «Скучная история», «Июнь», в той же недавно экранизированной «Палате» и с душераздирающей силой в сценке «О вреде табака»: «Бежать, бросить всё и бежать без оглядки... куда? Всё равно куда... лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешёвенькой жизни, превратившей меня в старого, жалкого дурака, старого, жалкого идиота...» Но, увы, редко кому из чеховских персонажей действительно удаётся этот героический побег к новой жизни, как, например, героям «Невесты» или «Медведя». Подавляющее большинство осуждено на безнадежное круговращение. В этой теме Чехов стал предтечей европейского экзистенциализма с его вопросами смысла существования человека, свободы выбора и так далее. Впрочем, вся эта так называемая «новая жизнь», в сущности, лишь осуществление человеком своего природного права на свободу быть самим собой, быть человеком в самом глубоком смысле этого слова. Как на свой лад понимает это Треплев в финале «Чайки» — дело не в новых или старых формах, а лишь в том, что свободно льётся из твоей души...

С кем душу отвести?

Нас убивает бессмысленность. О, этот проклятый вопрос о смысле! Посмотрите, как пронзительно звучат слова из так никуда и не вошедшего монолога Соломона: «Как насекомое, что родилось из праха, прячусь я во тьме и с отчаянием, со страхом, весь дрожа и холодея, вижу и слышу во всём непостижимую тайну. К чему это утро? К чему из-за храма выходит солнце и золотит пальму? К чему красота жён? И куда торопится эта птица, какой смысл в её полете, если она сама, её птенцы и то место, куда она спешит, подобно мне, должны стать прахом?» Позднее эти мучительные мысли нашли своё продолжение и в «Чайке», и в «Палате № 6». Они действительно трудны, легче не задумываться об этом, чему и следуют большинство героев Чехова. Есть и те, кто думает и ищет ответ. Но и этот путь не спасает от боли, умножаемой нами самими, не умеющими выбраться из тупика безысходности человеческого существования, обречённого на смерть и разложение. Где же выход? Что даст нам

А.П. Чехов, Т.Л. Щепкина-Куперник,
Л.Б. Яворская. Москва. 1893

А.П. Чехов, К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко с группой артистов
Художественного театра. Москва. 1899

смысл? Да, идеалы и мечты, которые мы воплощаем, ради которых живём. Но не только. Чеховские герои страдают от страшного одиночества, от разделённости, отчуждённости, какой-то ненужности друг для друга... Что за пропасть отделяет героя рассказа «Архиерей» от его мамы, видящей в нём не сына, а большого церковного начальника? Что за пропасть отделяет Беликова (помните «Человека в футляре»?) от его учеников, от вроде бы друзей? А что за пропасть отделяет друг от друга нас? Непонимание да и нежелание понимать, видеть за внешней оболочкой, той же маской, одеваемой в силу известных причин, сердце зовущее, требующее тепла независимо от ранга и чина? А может, страх? Страх чужой боли, страдания? Кому, как не доктору Чехову, чувствовать и знать это... И потому так радостно видеть, как сквозь эту бездонную пустоту вдруг зазвучит что-то до слёз живое: «Пришла старуха мать. Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что он худее, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребёнка, очень близкого, родного...» И потому звучит вопль — с кем душу отвести, кто услышит? — увы, чаще всего остающийся без ответа. А помните, как у Достоевского Мармеладов: «...понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти»? Ну, такое время было. Да наше чем лучше? Может быть, Чехов пытается объяснить нам, что бессмысленность жизни от одиночества рождается? И в одиночестве этом нету ни любви, ни Бога, ничего...

Великаны из «Вишнёвого сада»

Мы уже говорили, как меняется, развивается со временем творчество Чехова. Такое ощущение, что Антон Павлович поднимается от проблем частных, психологи-

ческих к проблемам историческим, философским, от судеб человеческих к судьбе России. Но видя и очень хорошо зная живущих рядом с ним людей, своих современников, он понимает, что судьба России неразрывно связана с судьбами их, совсем не героев, никому не ведомых, маленьких, — Раневской, Гаева, Лопахина, Пети Трофимова, даже Шарлотты Ивановны... Эта тема особенно остро звучит в «Вишнёвом саду». Вся Россия — наш сад, и все мы — герои этой удивительной, почти мистической, несмотря на кажущийся рационализм Чехова, пьесы. Начало 1900-х. Стык двух веков и двух миров. Старое неможно. Новое неясно, неопределённо. За кем будущее? За Лопахиним? За Трофимовым? Ясно только, что не за Раневской и Гаевым, их мир уходит вместе с Фирсом, уходит с болью, со страшными — только вдумайтесь! — словами: «Жизнь-то прошла, словно и не жил... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего...» Целый мир умирает. Искупление через страдания прочит России вечный студент Петя Трофимов, и мы теперь знаем: он очень близок к истине. Вспомните, какой удивительный диалог происходит между Лопахиним и Раневской: «Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами... Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают». Красивые мечты... Быть великанами? После того как столько лет были маленькими людьми? Но может, это было нужно нашей родине? Может быть, нужно и сейчас? Что хотел сказать этим Чехов? Не знаю, но может быть, эти слова, произнесённые им, стоявшим на пороге смерти и ясно осознававшим это, помогут нам понять свою жизнь сегодня и что-то изменить. ■

*Илья Барабаш, Культурный центр
«Новый Акрополь», печатается из журнала
«Человек без границ»*

МЕЛИХОВО

Усадьба радости

До Мелихова у Чехова не было своего дома. В Москве его семья: отец, мать, сестра — скиталась по съёмным квартирам. И он мечтал, чтобы у близких ему людей был свой угол, желательно не в городе. Антон Павлович всегда стремился пожить на природе. «Эта жизнь в четырёх стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь», — писал он, уставший от столичной суеты. В деревню гнали Чехова и усиливавшееся нездоровье, и желание вести усадьбную жизнь. Эта мечта хорошо видна и в его пьесах: «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишнёвый сад». «Коли деды и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе», — писал он.

Возвратившись в Москву из поездки на Сахалин, подводя итог впечатлениям, Антон Павлович так формулирует своё жизненное кредо: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангустом. Нужен кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек».

Такой «кусочек» он нашёл в нескольких верстах от станции Лопасня (ныне город Чехов) весной 1892 года. Мелихово было куплено случайно за 13 тысяч рублей по объявлению в газете «Курьер» у художника Н.П. Сорохтана, уезжавшего за границу.

О своём приобретении Антон Павлович отзывался шутливо: «Не было хлопот, так купила баба поросё! Купили и мы поросё — большое, громоздкое имение, владельцу которого в Германии непременно дали бы титул герцога. 213 десятин на 2-х участках. Чересполосица. Более 100 десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же он изображает собою кустарник. Называют его оглобельным, по-моему же, к нему больше подходит название розговый, так как из него пока можно изготовлять только розги».

С первого дня жизни в Мелихове отец Чехова Павел Егорович завёл большую конторскую книгу (Дневник), в которой ежедневно методически отмечал погоду, два раза в день температуру воздуха и все казущиеся ему важными события деревенской жизни: распорядок хозяйственных работ, приезд гостей и прочее.

Налаживать жизнь в мелиховской усадьбе было трудно. Работать приходилось с утра до позднего вечера всей семьёй. Вставали на заре, в четыре часа утра. Завтракали в семь, обедали в двенадцать. Неподалёку от дома на высоком столбе висел колокол, по которому в пол-

день отбивали двенадцать ударов, собирая всех домашних и гостей в столовую. После обеда Антон Павлович уходил в спальню, работал, обдумывая сюжеты произведений. С трёх до семи вечера трудились снова. Самым весёлым временем был ужин, за которым, устав за день, вся семья отдыхала. Вечера были полны радости и остроумия, всегда пели, играли на рояле. А по большим праздникам непременно пекли пирог со счастьем (запечённым внутри гривенником). И всякий раз Павел Егорович в Дневнике записывал: «Счастье досталось дивиде Дроздовой» или «Счастье досталось мамаше». Однажды монета в пироге осталась на тарелке, в Дневнике появилась запись «Счастье осталось в доме».

Большую радость всем домашним приносило общение с таксами Бромом и Хиной. Каждый вечер Хина подходила к Антону Павловичу, клала ему на колени передние лапы и жалобно смотрела ему в глаза. Чехов дрожащим старческим голосом говорил Хине: «Хина Марковна! Страдалица! Вам бы лечь в больницу!.. Вам бы там полечало». Такие разговоры с собаками велись подолгу и веселили домашних.

В Мелихове Чеховы впервые, по сути дела, вели натуральное хозяйство: на еду шли собственные овощи, молоко от коров, масло, грибы, ягоды, фрукты. Того, что не хватало, привозили из Москвы. Каждую свободную минуту Антон Павлович проводил в саду, сажал деревья, ухаживал за цветами, копался в огороде и парниках, мечтая посадить фруктовый сад. Он очень скоро освоился в Мелихове и полюбил его: «Я привык и к полю, и к деревьям, и к людям и чувствую себя дома».

Алексей Максимович Горький, бывавший в Мелихове у Чеховых, вспоминал: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович... Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники».

В благоустройстве усадьбы активно принимала участие вся семья. Сестра Чехова Мария Павловна занималась огородом. Она не только сажала огурцы, помидоры, тыквы, но и умудрялась вырастить дыни, арбузы, спаржу, артишоки. Антон Павлович, шутя, называл её огород «уголком Франции».

«Служение общему благу должно непременно быть потребностью души», — считал Антон Павлович и актив-

«Мой дом, где была написана „Чайка“» (А.П. Чехов)

но участвовал в общественной жизни Серпуховского уезда. Он был избран в земство, был членом санитарного совета, присяжным заседателем земского суда. Летом 1892 года во время эпидемии холеры врач Чехов обслуживал 26 деревень, четыре фабрики, один монастырь. Работать приходилось в трудных условиях. Корней Иванович Чуковский в книге «Чехов» писал: «Несколько месяцев писатель почти не вылезал из тарантаса. В это время ему приходилось и разъезжать по участку, и принимать больных у себя на дому, и заниматься литературой. Разбитый, усталый, возвращался он домой, но держал себя так, точно делал пустяки, отпускал шуточки и по-прежнему всех смешил».

Чехов организовал два медицинских пункта и пять холерных барачков. Он принимал больных по два дня в неделю на каждом медицинском пункте. Приём велся рано — с пяти часов утра до девяти. Такой режим был вызван образом жизни крестьян, которые начинали свой день с рассвета. За три месяца проживания Чеховых в Мелихове больше тысячи крестьян получили бесплатную медицинскую помощь.

Ежедневно Антон Павлович ездил к больным за десять вёрст в любую погоду по ухабистым, разбитым дорогам. С раннего утра перед его домом уже стояли женщины и дети в ожидании помощи. Крестьяне говорили: «Всем помогал — и деньгами, и лекарствами, и лечением». На его участке случаев заболевания холерой не было.

Много сил отнимала и благотворительная деятельность — строительство школ, прокладка и ремонт дорог, открытие почтового отделения, помощь мелиховской

А.П. Чехов
с таксой Хинной.
Мелихово. 1897

церкви. По просьбе местных крестьян он построил за оградой имения «пожарный сарай» — помещение, где хранилось всё необходимое для борьбы с огнём. Почти весь январь 1897 года Чехов занимался делами первой Всероссийской переписи населения.

«Я построил три школы, и считаются они образцовыми», — с гордостью вспоминал он позже. Антон Павлович сам занимался планом строительства, сам покупал материалы, сам наблюдал за постройкой. Попечительницей школы была Мария Павловна.

Он любил общаться с крестьянами, внимательно изучал их жизнь. После переезда в Мелихово тема деревни стала ведущей темой в его творчестве. Его брат вспоминал: «Он изучил мужицкую жизнь во всех проявлениях, близко сошёлся со всеми соседями-крестьянами, которым он и до этого всегда готов был дать добрый совет и как врач, и как человек». В каждодневном общении с крестьянами Антон Павлович пришёл к важному для себя выво-

Внутри мелиховский дом неожиданно просторный. Тут поместился и большой кабинет с широким столом

ду: «Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своей сохой... он верит, что главное на земле — правда и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость».

Радужие и гостеприимство чеховского дома привлекали многих. По словам Чуковского, «ни одна усадьба и за десять лет не видела под своими древними липами такого нашествия гостей, как чеховское Мелихово». Гости наезжало столько, что их негде было разместить, и приходилось иной раз устраивать постели даже в сених.

В Мелихово приезжали люди разных профессий. Среди гостей были В.И. Немирович-Данченко, В.А. Гиляровский, издатель Суворин, художники И.И. Левитан (у которого любимым местом отдыха была скамья на вершине холма — сейчас это место называют «левитановская горка») и И.Э. Браз, написавший для Третьяковской галереи портрет Чехова, актёр П.М. Свободин. С приездом гостей дом Чехова наполнялся неистощимым весельем, шутками, остроумными выдумками.

Мелихово мало походит на традиционное дворянское гнездо, каким мы его знаем по произведениям литературы. Нет здесь роскошного особняка, огромного парка, большого пруда. «Тут всё в миниатюре, — шутливо писал об этом сам Антон Павлович, — маленькая липовая аллея, пруд величиной с аквариум, маленький сад и парк,

маленькие деревья, но пройдёшься раз-другой, взглядишься, и впечатление маленького исчезает».

Построек немного: одноэтажный дом с просторной верандой, баня и в саду крошечный флигелёк — большая любовь и гордость Антона Павловича, так отзывавшегося о нём: «Флигель у меня вышел мал, но изумителен». Сперва он предназначался для гостей, но вскоре сам Антон Павлович поселился в нём. В этом тереме-теремке еле уместились узенькая спальня, небольшой рабочий кабинет и крошечная приёмная для больных. Именно здесь, в тишине этого домика, где никто не мешал Чехову работать, родились замечательные произведения. За семь лет жизни в Мелихове он написал около сорока произведений: «Палата № 6», «Анна на шее», «Дом с мезонином», «Мужики», «Ионыч», пьесы «Чайка», «Дядя Ваня» и многие другие.

...Дома, как люди, живут, стареют, умирают. Бывает так, что дом переживёт человека. И если жизнь и творчество этого человека оставили память о себе, то нам и следующим поколениям остаётся грустная радость — знакомиться с местом, где он жил и творил, как с одним из зеркал, которое сохранило его облик. Дом Антона Павловича Чехова и в наши дни продолжает хранить память о хозяине, о его жизни и творчестве, о его друзьях. ■

Аля Щербакова, печатается из журнала «Человек без границ»

Моё знакомство с ЧЕХОВЫМ

Антон Павлович Чехов. Что может значить для современного подростка это имя? Да, ровным счётом, ничего, кроме того, что это очередной писатель, рассказы которого придётся читать, потому что этого требует школа. Но неужели писатель достоин подобного отношения? Этот вопрос заинтересовал меня, и я решила прочитать немного о нём. И в какой-то момент прочтение биографии и характеристики его творчества затянуло меня, будто в водоворот. Не такой уж обычный писатель наряду с другими писателями из школьной программы, но и не такой уж необычный. Казалось бы, чем может быть интересна биография человека? Перечисление дат, да констатация фактов, не более того. Протокол чужой жизни, который просто надо знать. Но биография Чехова не кажется скучной, а характеристики его рассказов тут же подталкивают эти рассказы прочесть, увидеть в них то же, что видят критики: трагизм и глубокий смысл, скрытый за легким, непринужденным юмором и шаржами. И я не стала дочитывать критику творчества Чехова до конца, а предпочла начать уже читать его рассказы.

Первым произведением, который я прочла, стал рассказ «Смерть чиновника». Конечно, моё впечатление сильно зависело от прочтённой критики этого произведения, в которой заранее раскрыта задумка Чехова, но я действительно увидела весь трагизм, описанный в произведении. И мне стало интересно, смогу ли я сама разглядеть смысл, который Чехов спрятал в свои рассказы. Следующим я прочла «Капитанский мундир». Этот рассказ хоть и был немного длиннее, читался так же легко, как и первый. Первоначально, я думала, что буду кратко описывать свои впечатления от всего прочитанного, но после я поняла, что на это нет времени. Хочется поскорее прочитать ещё что-нибудь, поскорее погрузиться в мир творчества Чехова. «Роман с контрабасом», «Винт», каждый последующий рассказ затягивал сильнее предыдущих. Тут же появлялись перед глазами все описанные сцены и события. Уже стало не важно, зачем и почему я начала читать Чехова, мне стал нравиться его лёгкий и непринуждённый стиль и незаурядность тем, которым он посвящает свои рассказы, хотя до этого мне нравились произведения совсем другого характера и жанра. Но пока что я читала произведения только первого периода его творчества, когда он писал под псевдони-

Молодому врачу Антону Чехову 29 лет. Петербург. 1899

мом *Чехонте*. Я подумала, что будет неплохо прочесть его произведения и из другого периода его творчества, а также отойти от прочтения простых рассказов и взяться за прочтение нескольких пьес. Когда я закончила читать пьесу «Три сестры», было уже далеко за полночь, а я всё не могла успокоиться, настолько сильное она произвела на меня впечатление. Эмоции, которые я испытывала, я не могу описать. Не грусть и не разочарование, но какая-то тяжесть в груди. По сравнению с первыми рассказами Чехова, прочтёнными мной, лёгкими и достаточно непринуждёнными, эта пьеса показалась мне тяжёлой, она морально давила на меня. Я всё пыталась понять, о чём она, но мне этого не удалось.

В целом, творчество Чехова показалось мне невероятно интересным и занимательным. Лёгкие для прочтения рассказы первого периода его творчества, и морально массивные произведения его позднего творчества — и то и другое, по моему мнению, тонко передает психологию человека в тех или иных ситуациях. Потому я рада, что познакомилась с жизнью и творчеством Антона Павловича Чехова, это доставило мне массу удовольствия, и в будущем я буду рада познакомиться с творчеством этого писателя более подробно. ■

Настя Шленцова, 9 класс «Б»

Зерно доброй и чистой истины

Антон Павлович Чехов — один из самых известных русских писателей, который пользуется популярностью во всём мире. Его пьесы ставят на самых известных театральных сценах, по его произведениям изучают русский язык. За свою жизнь он сделал многое: стал врачом, по собственной воле поехал на Сахалин, где провёл (впервые в истории России!) полную перепись населения, которая впоследствии дала весьма любопытные результаты: оказалось, что мужчин там гораздо больше, чем женщин, а значительный процент населения грамотен.

Возвратившись домой, Чехов продолжил лечить людей. Причём людей простых, которым нечего было дать взамен его помощи. Смысл всей его жизни заключался в спасении людей. Этот весёлый и жизнерадостный человек всегда вселял надежду в сердца людей и продолжает это делать даже после смерти с помощью своих произведений. За относительно короткую жизнь он успел сделать столько дел, что не все люди способны с ним посоревноваться.

А в перерывах между прямыми обязанностями доктора он успевал сочинять замечательные рассказы и пьесы, которые до сих пор являются образцом чистого и правильного русского языка. Читая их, чувствуешь, как легко и непринуждённо они выходили из-под пера Анто-

на Павловича. Смешные до слёз и полные лёгкого смысла, рассказы Чехова заставляют вас читать без перерыва. Трудно выделить какой-то один рассказ. Каждый из них вызовет на вашем лице улыбку, а в вашей голове зародится зерно той доброй и чистой истины, которую Чехов вкладывал в каждое своё произведение.

Лёгкий, остроумный и светлый юмор, что есть в каждом рассказе у «Антоши Чехонте», способен вызывать улыбку на лице даже самого угрюмого человека, хотя нас от тех времен отделяет целая эпоха. Он не потеряет своей актуальности ни через сто, ни через тысячу лет. А глубокий смысл произведений Чехова заставлял задуматься не одно поколение людей, ведь проблемы человечества, которые он поднял, не только не исчезли, а наоборот, даже усиливаются. Чеховские рассказы показывают все проблемы взаимоотношений между людьми, заглядывают прямо внутрь такого сложного механизма, как человеческая душа. Ведь в каждой личности можно найти что-то необычное и интересное, чем Антон Павлович и пользуется, заставляя зрителей и читателей затаить дыхание, напряжённо ожидая развязки.

Чехов, без сомнения, оказал огромное влияние на мировую литературу. Его знаменитые произведения: «Три сестры», «Чайка», «Вишнёвый сад», «Хирургия», «Лошадиная фамилия», «Толстый и тонкий» — знают и любят не только в нашей стране, но и во всём мире. Невольно возникает чувство гордости, когда осознаёшь, что был такой замечательный человек, который прославил Россию на все времена. ■

Рустам Муфтахов, 9 класс «В»

ВРЕМЕНИ ЕЩЁ МНОГО

Итак, А.П. Чехов — была и такая личность в наших русских селениях. Сейчас, сходу, могу упомянуть только, что рождён он был в начале седьмого десятилетия девятнадцатого века, родился в городе Таганроге, был литературствующим врачом и сделал очень много хорошего и полезного для нашей родной литературы. А ведь когда-то, ещё совсем недавно, я мог бы рассказать о нём гораздо больше...

История моего первого знакомства с Антоном Павловичем достаточно обыденна — я уверен, кроме меня найдётся ещё с несколько десятков, а то и сотен людей, для которых своеобразным предисловием к литературе Чехова послужил советский мультипликационный фильм «Каштанка», основанный на одноимённом произведении писателя. Эта экранизация, не в пример нынешним, фактически досконально следовала букве текста, не отступая от неё ни на шаг — тут вам и весьма характерная «путешественница», помесь таксы с дворняжкой, и странный дрессировщик, и добрые бедные хозяева собаки столяр с сыном Фе-

дюшкой... Интересно то, что события в мультфильме как бы рассказываются от имени собаки, мировосприятие которой крайне упрощено, поэтому зрителю становятся максимально близки и понятны её переживания.

Суть, в общем-то, не в этом. Как уже было сказано, именно это творение «Союзмультфильма» послужило катализатором к прочтению книг Чехова, и первым прочитанным мною творением писателя стала, собственно, «Каштанка». В попавшемся мне на глаза сборнике рассказов, кроме этой небольшой повести, была также очень цеплявшая меня история человека по фамилии Панихидин, умудрившегося на спиритическом сеансе вызвать дух Бенедикта Спинозы, известного голландского философа периода Ренессанса. Тот [дух], видимо, не оценив по достоинству такой поворот событий, предсказал Панихидину скорую смерть. Неудачливый медиум крайне опечалился, покинул сеанс и отправился к себе домой, где и обнаружил новенький гроб. Не на шутку испугавшись, герой отправился на квартиру к своему

другу, в которой его ожидал очередной гроб. Жутко переживая и за себя, и за друга, Панихидин пускается в длинные рассуждения о том, кто покойится в этих «ложах смерти», опасается обнаружить там себя и в целом невероятно паникует... Заканчивается эта история тем, что в одном из гробов находится письмо, автором которого является общий приятель героя и его друга, тоже ставшего счастливым обладателем столь необычного предмета мебели; в письме сообщается, что похоронная контора приятеля недавно стала банкротом, и было решено спасти наиболее ценные гробы путём отправки их по квартирам к друзьям. Так и заканчивается эта полная ужаса история, которая так и называется — «Страшная ночь»...

Самостоятельное моё изучение Чехова на этом не закончилось; были и спорный «Человек в футляре», и преисполненный какой-то невероятной, не сразу понятной, но весьма ощутимой грусти «Ванька», и несколько забавных небольших рассказов; названия их у всех на слуху. Да, это «Толстый и тонкий», «Лошадиная фамилия», «Злоумышленник», «Радость»... Каждый из них, так или иначе, оставил свой след в моей душе, привил особый взгляд на какие-то вещи, познакомил с разными ситуациями, которые, несмотря на всю свою обыденность и стандартность, всё же несли в себе какой-то скрытый смысл. Образ палаты для душевнобольных, созданный Чеховым в одном из самых известных его творений, до сих пор является в моём сознании шаблонным...

...Да, речь идёт о «Палате № 6». Знакомство наше состоялось морозною зимою две тысячи шестого года. Погоды тогда стояли крайне холодные, и, чтобы не замёрзнуть окончательно, приходилось греться всеми доступными методами. А чем ещё погреться, кроме как не хорошей книгой? Нет, сжигать её для этого совершенно не обязательно. Решительно не нужно, я бы даже сказал.

«За ним следует маленький, живой, очень подвижный старик с острою бородкой и с чёрными, кудрявыми, как у негра, волосами. Днём он прогуливается по палате от окна к окну или сидит на своей постели, поджав по-турецки ноги, и неугомонно, как снегирь, насвистывает, тихо поёт и хихикает. Детскую весёлость и живой характер проявляет он и ночью, когда встаёт затем, чтобы помолиться богу, то есть постучать себя кулаками по груди и поковырять пальцев в дверях. Это жид Моисейка, дурачок, помешавшийся лет двадцать назад, когда у него сгорела шапочная мастерская».

Всего лишь один из жителей маленького флигеля возле больницы. Не играет особенной роли для основного сюжета, но именно с помощью этого образа Чехов передаёт страдания, которые терпит среднестатистический душевнобольной тех лет, находящийся на государственном попечении. Тут вам — и избиения сторожем, и попрошайничество, и отсутствие нормальной обуви... Цельный флакон, короче. Ажно смотреть не хочется.

И таких людей — несколько человек. Все сидят по углам тёмной комнаты, все — со своею бедой, все чего-

П.А. Нилус. Портрет А.П. Чехова. 1902–1904

то ждут, но никто из них ни на что не надеется. Особенно Громов, Иван Дмитриевич. Он, страдающий манией преследования, склонен считать, что рано или поздно за ним придут — и ждёт он именно этого.

Именно в таком состоянии застает их свежесвыбранный главврач больницы Андрей Ефимыч Рагин. Именно в таком Громе он находит родственную душу. С ним он общается на разные темы — от философии до городского уклада; общение с Громовым становится для Рагина своеобразной целью, он обособляется от старых друзей и ходит в больницу только с одной целью — поговорить со страдающим манией преследования человеком, у которого так загублена жизнь. Но, увы, столь частые посещения флигеля во дворе больницы не остаются незамеченными, и доктора объявляют сумасшедшим. Вскоре он сам оказывается среди тех, чьё существование он должен был облегчать.

Вот так, в жутком кратком переложении, можно описать сюжет «Палаты». Под этим «кратким содержанием» кроется печальная история. О чём? О людях, разумеется. Самые печальные истории в мире пишутся о людях. Ещё более грустными они становятся, когда они пишутся об одном человеке, который за кратчайшее время с самого верха опустился на самое дно. И все эти дополнительные рассказы о других пациентах, о жизни города и, в частности, жизнеописание Ивана Громова, только ещё сильнее нагнетают обстановку, которая и так ограничена маленьким флигелем, который одиноко стоит во дворе старой больницы.

Конечно, это не всё; были ещё и «Июныч», и «Дом с мезонином»... Но, как известно, первый опыт запоминается лучше всего; именно поэтому в этот краткий список впечатлений вошли только самые типичные лично для меня образчики творчества великого русского прозаика. Времени ещё много... А познакомиться поближе с результатами литературной деятельности одного из величайших драматургов свободная минутка всегда найдётся. ■

И. Т.

ЛЕГКО И БЛИЗКО

«Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен».

Антон Павлович Чехов по профессии был врачом, но в настоящее время все его знают как великого русского писателя. Музыка и книги пробуждали в Чехове стремление к творчеству. Он был страстным поклонником театра и позднее в одном из своих писем скажет: «Театр мне давал когда-то много хорошего... Прежде для меня не было большего наслаждения, как сидеть в театре...» Не случайно герои его первых произведений, таких как «Трагик», «Комик», «Бенефис», «Недаром курица пела», были актёрами и актрисами. Во время учёбы в гимназии Чехов издавал юмористические журналы, придумывал подписи к рисункам, а в 18 лет написал первую драму «Безотцовщина». Будучи уже студентом, Антон Павлович начал помещать рассказы, фельетоны, юморески — «мелочишки» под псевдонимом *Антоша Чехонте* в изданиях «малой прессы», преимущественно юмористических московских журналах. Но почти всю

взрослую жизнь Чехов был практикующим врачом. «Медицина — моя законная жена, а литература — любовница», — говорил он.

Пьесы Чехова по-своему своеобразны. Он никогда не стремился к сценичности, и поэтому его современники упрекали Антона Павловича в растянутости произведений, недостатке действия. Но Чехов всё равно оставался верен своему перу, старался приблизиться к обыденности: «Пусть на сцене всё будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни». В «Вишнёвом саде» весьма выразительно сказано о социальном неблагополучии русской жизни в те времена, но ко многому в произведении тогда придирался цензор. Открывая сборник рассказов, начинаешь читать взахлёб каждое произведение. Рассказы Чехова просты и читаются на одном дыхании. Диалоги беспорядочно разбиты: вот только что мы читали о ругани двух мужчин, затеявших драку, как уже читаем о сплетнях, завязавшихся за одним из столиков в салоне. Чехов общается с нами через страницы своих произведений: «Пойдёмте, читатель, вместе в театр...». И становится близок, понятен. И обыденность его произведений становится словно нашей собственной обыденностью. Совершенно очевидно, что ранние рассказы Чехова отличаются от поздних, написанных после 1888 года. В ранних рассказах доминирует комическая стихия, а в поздних — сожаление, грусть, скепсис. Понимание любого произведения целиком и полностью зависит от понимания его жанра, но уже не одно десятилетие длятся споры об особенностях жанра Чехова. Новелла — литературный малый повествовательный жанр, сопоставимый по объёму с рассказом, в нём важен сюжет, событие, для него характерно внимание к поведению героев, новелла обязательно стремится к результату и не может закончиться «ничем». Ранние рассказы Чехова обычно сравнивают именно с новеллами, а поздние — с сатирическими рассказами.

Главное и первое в литературе открытие, которое сделал Чехов, — психологический подтекст (случайные реплики и паузы, жесты персонажей и мелочи обстановки). Он оставляет читателю простор для воображения, даёт ему право стать соавтором произведения. И соавторами могут быть люди самого разного уровня, образования и воспитания. Каждый может увидеть в рассказах Чехова что-то своё, понять их по-своему. А в этом и есть неповторимость чеховских произведений, именно поэтому они воспринимаются так удивительно легко и близко. ■

Елена Шеботинова, 9 класс «Б»

А.П. Чехов. 1900

ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА ЭТИ СТРОКИ?

Литературная викторина

Кто из персонажей и в каком произведении...

1. ...ездил на свидание с любимой на кладбище?
2. ...был рад, что о нём напечатали в газете, как он в пьяном виде попал под лошадь?
3. ...«зарабатывал» чин помощника письмоводителя тем, что бегал перед начальником вокруг стола и кричал «ку-ку-реку»?
4. ...умер от страха и огорчения, когда его прогнал генерал, к которому он пришёл просить извинения?
5. ...в течение нескольких минут не один раз менял своё мнение по поводу собаки, укусившей за палец одного из жителей?
6. ...любил употреблять слова: «недурственно», «он не имеет никакого римского права», «здравствуйте пожалуйста»?
7. ...говорил судебному следователю, что ему некогда идти в тюрьму, потому что нужно быть на ярмарке?

Чей это портрет?

1. «Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в тёплом пальто на вате».
2. «...полный, красивый брюнет с бакенами, устраивал любительские спектакли с благотворительной целью, где играл старых генералов и при этом кашлял очень смешно».
3. «Она была худенькая, слабая, бледная, с тонкими, нежными чертами, смуглая от работы на воздухе; грустная, робкая улыбка не сходила с её лица, и глаза смотрели по-детски — доверчиво и с любопытством».
4. «...постарел, располнел, обрюзг, щёки, нос и губы тянутся вперёд — того и гляди хрюкнет в одеяло».

Кому из персонажей принадлежат эти мысли?

1. «Скучные люди, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости».
2. «...ей казалось, что в городе всё давно уже составилось, отжило и всё только ждёт не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего... впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, ещё неясная, полная тайн, увлекала и манила её».
3. «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Таганрог. Домик, где родился Чехов

А.П. Чехов и О.Л. Книппер-Чехова. 1901

Ответы присылайте по адресу
selivanova.belaya@gmail.com
или приносите в Читальный зал Лицея.

БЕЗ ЧЕГО НЕ БЫВАЕТ ВЕСНЫ?

Конечно же, не бывает весны без солнца. Оно — очевидная первопричина всему. Но поскольку Вы это знаете и всё-таки спрашиваете, я решил, что Вы, наверное, хотите чего-нибудь эдакого. Поэтому я сочинил стишки в разных стилях. Начинаются они одинаково.

Стиль примитивизм

Не бывает весны без солнца.
Не бывает весны без травки.
Чтобы было видно в оконце,
Как цветёт эта самая травка.

Стиль романтический

Не бывает весны без солнца —
Чуть пригреет, чуть-чуть обманет.
Не бывает весны без ласки,
Что надеждою сердце ранит.

Не бывает весны без грусти
От хмельного, пряного ветра.
Не бывает весны без чувства,
Что всё было и будет на свете.

Стиль детский, эпический

Не бывает весны без солнца,
Оно сияет на куполе ярко.
Купол парит в небесной лазури.
В глазури сладкой кулич пасхальный.
Пасха звенит в небесах колокольным
Чистейшим, небесным, весенним звоном.

Русское фольклорное хокку

Нет, не бывает
Живы-Весны без солнца.
Свети, Ярило!

Отмыкай землю,
Гони холод далёко,
В страну Кошечья.

На холм мы выйдем,
Играть, петь песни станем —
Ярило славить!

Стиль ближний славянский

Не бывает весны да без красна солнышка —
Без солнышка тёплого да ласкового.
Ой да выйду я в поле добрый молодец,
Выйду в поле-полюшко, да во широкое,
Думою тяжкою да снедаючись,
Зимою долгою да удручаючись.
Ты пригрей меня, гой еси, красно солнышко,
Растопи думы мои, да невеселые.

Куртуазный маньеризм

Не бывает весны без солнца,
Без солнца темно в царстве вампиров.
Они кусают холодными зубами
Замёрзшие губы, обледеневшее сердце.
Приди, весна любви и муки!
Сведи с ума черёмухой,
Излей страсть своего дыхания,
Позолоти плечи, опали губы.

Саша Думаревский

Зима на убыль,
Одинокий луч солнца.
Март у порога.

Снег исчезает.
Наконец распустился
Первый подснежник.

Грач на березе.
Что может быть прекрасней —
Жизнь оживает!

Не страшась смерти.
Желтым по зелёному,
Бабочки полёт!

Как снег в мае,
Забываясь в ноздри,
Тополиный пух.

Дима Маркович

Весны не бывает без первых тёплых лучей солнца, из-за которых на уроках на стенах и на потолках появляются солнечные зайчики. Ученики пытаются с помощью линеек, часов, телефонов запустить их. Бывает так, что на уроке становится очень скучно, но, если помотришь на потолок и увидишь там эту беленькую точку солнечного света, поневоле начинаешь улыбаться.

Маша Бакулина

Без любимых жёлтых тюльпанов, свежего морозного поцелуя, полуулыбки солнца, медленной музыки, пускания корабликов по ручейкам около бордюров во дворе, без счастья близких людей, без лёгкого смеха и прекрасного настроения, без счастья от того, что просто живёшь и дышишь.

Ну, и вечный спутник — свежий ветер! Как я могла забыть?..

Маша Бычкова

Без зимы весне не быть!

Серёжа Науменко

Насколько сильно ты сходишь с ума ВЕСНОЙ?

Тест

Мы просим прощения у тех читателей «Голоса», которые решили пройти этот тест и отнеслись серьёзно ко всему написанному здесь.

1. Как ты встречаешь весну?

- А. Грущу, что уходит зима — 1 балл.
- Б. Ищу первые приметы весны — 3 балла.
- В. Снимаю куртку и бегаю босиком по снегу — 5 баллов.
- Г. Никак — 1 балл.

2. О чём ты начинаешь мечтать?

- А. О том же, о чём и всегда — 2 балла.
- Б. Ни о чём — 1 балл.
- В. Хочу научиться летать — 4 балла.
- Г. Хочу петь песни и бродить по улице с большим розовым бегемотом — 5 баллов.

3. Что ты делаешь на уроке?

- А. Несу бред обо всём подряд — 5 баллов.
- Б. Занимаюсь чем-то своим, не забывая об уроке — 2 балла.
- В. Слушаю музыку — 4 балла.
- Г. Внимательно слушаю и записываю — 2 балла.

4. Тебе стало холодно. Что ты сделаешь?

- А. Надену что-нибудь тёплое — 2 балла.
- Б. Начну носиться со скоростью света — 4 балла.
- В. Немножко подвигаюсь — 3 балла.
- Г. Потерплю — 1 балл.

5. Что общего у письменного стола и шляпы?

- А. Ничего — 1 балл.
- Б. Они могут быть одинакового цвета — 3 балла.
- В. Возможно, что-то есть, но я не знаю что именно — 3 балла.
- Г. И то, и другое можно носить на голове — 5 баллов.

Результаты:

3–5 баллов

Сумасшествие на 0–21%

Ты — мумия.

Ты ничуть не сумасшедший И это, конечно, хорошо.

Но ты не понимаешь, что значит «быть весенним». Верно, при виде весны ты глубоко залез в землю. Немножко расслабься: погуляй, пофантазируй. Выкопайся из земли!

6–10 баллов

Сумасшествие на 22–45%

Ты — семечко подсолнуха.

Ты ещё не пророс. Тебе следует тянуться к солнцу, хоть ты ещё пока не понял, как это делается. Тебе не хватает только немножко целеустремлённости.

11–15 баллов

Сумасшествие на 45–68%

Ты — весенняя гусеница.

Ты ещё в «спячке». Там надо чуть-чуть отдохнуть и расправить крылья. Ты готов к весне. Нужно совсем чуть-чуть, чтобы всё получилось. Скоро в полёт!

16–20 баллов

Сумасшествие на 69–92%

Ты — майский жук.

Ты расправляешь крылья и летишь навстречу лету. Не удивляйся, если твои учителя скажут, что ты жуужишь на уроке.

21–23 балла

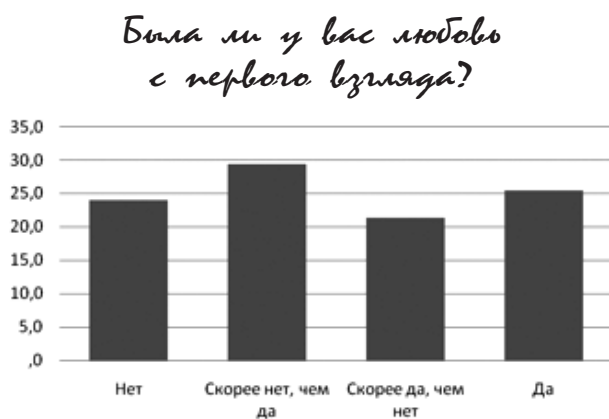
Сумасшествие на 93–100%

Поздравляем! Ты настоящий сумасшедший!

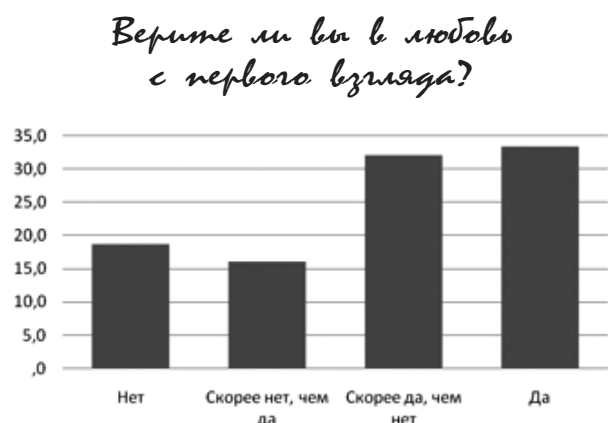
Мария Бакулина, Ирина Малащенко,
Анна Федюшкина, 8 класс «Б»

Верите ли Вы в любовь с первого взгляда?

Идея проводить социологические исследования в школе появилась давно. Журнал «Голос» решил поддержать инициативу. И в феврале был проведён социологический блиц-опрос среди учащихся восьмых-одинадцатых классов. Мы задали 75-ти второшкольникам вопрос:

Несмотря на такой практически равномерный расклад, второшкольники оказались романтически настроены: две трети ребят всё же верят в любовь с первого взгляда.

Выяснилось, что эти пропорции не связаны с полом. Рассмотрев отдельно ответы девочек (23 %) и мальчиков (77 %), мы убедились, что непосредственной связи между полом и вопросом «была/не была любовь с первого взгляда» нет. Однако мальчики всё же более склонны верить в любовь с первого взгляда, чем девочки.

«Верите ли Вы в любовь с первого взгляда?» Заодно мы спросили о любимом уроке, сезоне года, цвете.

Как оказалось, по вопросу «была ли любовь с первого взгляда?» респонденты разделились поровну. Причём сомневающихся и уверенных тоже получилось приблизительно одинаково — по 25 %.

Что касается связи с возрастом, то случалась любовь с первого взгляда у всех классов примерно одинаково. Можно отметить, что одиннадцатиклассники в меньшей степени, чем ученики других классов, в этом сомневались. А вот верить в любовь с первого взгляда более всего склонны ученики девятых классов, а менее всего — одиннадцатиклассники.

Никакой существенной связи между верой в любовь с первого взгляда и любимым предметом, цветом или сезоном не выявлено. Но удалось выделить некоторые любопытные факты. Так среди любителей истории и литературы романтически настроенных всё же больше (процентов на 10), чем среди биологов-географов или математиков-физиков. А среди тех, кто любит физкультуру, нет ни одного, кто бы не верил в любовь с первого взгляда.

Подводя итог, отметим, что вопросы «была ли у Вас любовь с первого взгляда?» и «верите ли Вы в любовь с первого взгляда?» оказались сильно взаимосвязаны. Чем больше вера, тем более вероятно, что любовь была. И будет!

Любопытное о второшкольниках

Около половины всех опрошенных любят синий или зелёный цвет. Среди тех, кому нравятся эти цвета, половина — любители математики, физики или информатики.

Значимой связи между любимым предметом и сезоном года не просматривается, равно как и между сезоном года и цветом. Однако среди «весенних» нет любителей биологии, географии, физкультуры, а 60 % тех, кто любит синий и зелёный цвета, предпочитают летнее время года. ■

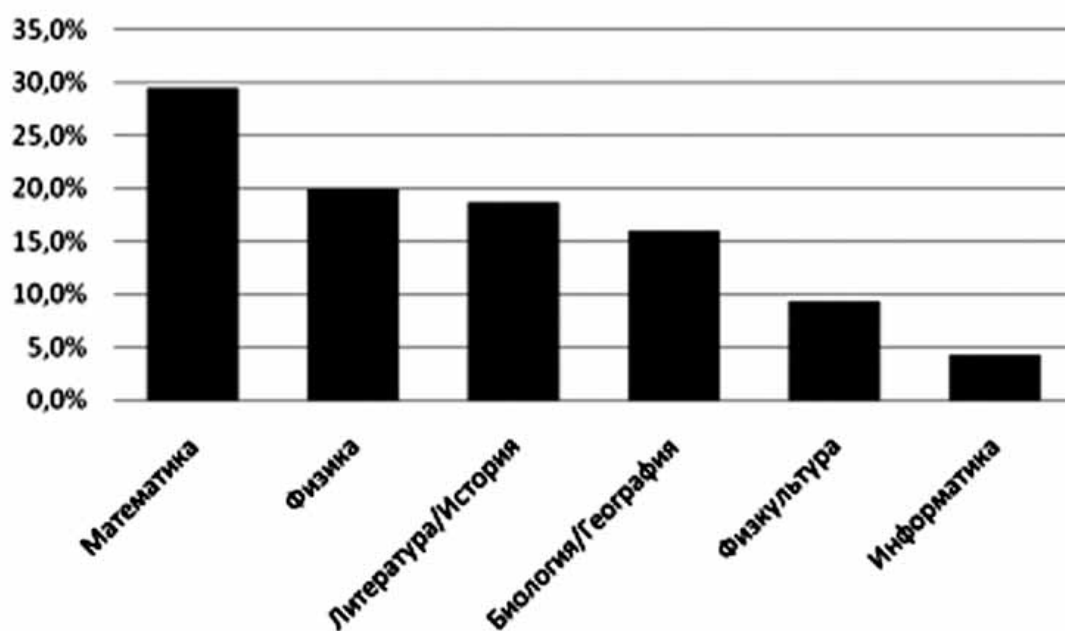
Татьяна Сергеевна Хворостюк,
заместитель директора по воспитательной работе;
Кирилл Владимирович Медведев,
учитель математики, выпускник 2000 года

Любимый урок

30% опрошенных к любимым урокам относят математику (алгебра, геометрия, спецматематика), а 20% — физику (физика, спецфизика).

Любимый предмет

50 % второшкольников любят лето, 25 % — весну, и ещё 25 % — осень или зиму.

«ВТОРАЯ ШКОЛА»...

Размышления выпускника далёких шестидесятых

(Печатается в сокращении, полный вариант статьи Вы можете прочитать на школьном сайте www.sch2.ru)

Недавно мне попала в руки книга воспоминаний о «Второй школе». Я читал её не просто с интересом, меня охватило ностальгическое умиление. И я понял, что даже прошедшие 45 лет не стёрли живого ощущения тех лет моей ранней юности. Есть события, которые во многом формируют личность человека, его будущее мироощущение. Мне захотелось описать и изложить на бумаге факты, события, воспоминания и мои рассуждения по их поводу. В основном я пишу для себя, но, возможно, это будет интересно и другим — бывшим одноклассникам, учителям...

Я поступил в 9-ый класс «Второй школы» в 1962 году, проучился там два года, и в 1964 году, сдав экстерном в вечерней школе за 11 класс, сразу из 10-го класса поступил на мехмат МГУ. Таким образом, формально я не выпускник школы, а хронологически отношусь к выпуску 1965 года.

До «Второй школы»

До «Второй школы» была обычная районная школа в Замоскворечье, обычный класс, в котором были очень разношёрстные дети — и из семей алкоголиков и уголовников, и из вполне средних советских семей. Детей из семей интеллигентных было совсем мало. Сам я вырос в семье художника и инженера, с большой библиотекой, с кучей альбомов по искусству. Я жадно читал всё, что попадалось под руку, поэтому в школе мне было неинтересно, да и непросто, я чувствовал определённую изоляцию, на уроках мне было просто скучно. Эту «социальную изоляцию» я преодолевал участием во всех, порой опасных, развлечениях своих школьных приятелей. Драки «стенка на стенку» с парнями с соседних улиц, пиротехника, беготня по крышам и чердакам, в общем, нормальная разрядка полного энергии мальчишки 12–13 лет. В 6-ом классе заработал «2» по поведению, и от неприятностей меня спасали, безусловно, только очень хорошие оценки.

Я с ранних лет любил математику, участвовал во всех олимпиадах (и районных и городских) и занимал неплохие места. И именно на какой-то из олимпиад я услышал

о существовании математического кружка при какой-то, тогда мне неизвестной школе № 2. Как понимают читатели, это была ВМШ. Два года (7–8 класс) я прилежно ходил в ВМШ, ездил сам с Пятницкой улицы на Ленинский проспект, и к концу 8-го класса узнал, что вроде бы в этой самой школе открывают 9-е классы с ориентацией по математике. Я сам, без участия родителей, подготовил документы, принес их учебную часть 2-ой школы и стал ждать приемных экзаменов. Это был 1962 год.

Начало

И вот я на экзамене (письменно-устном). Принимает его пожилой человек совершенно традиционно-учительского вида, с разночинской бородкой «клинышком». Это был Исаак Яковлевич Танатар, мой будущий учитель математики. Письменная часть экзаменов состояла из задач школьного типа и совершенно не представляла для меня труда.

Кстати, оценки на этом экзамене ставились, причём по двенадцатибалльной шкале. Сделав письменную работу, я успокоился, понимая, что уж какую-то приличную оценку я получу в любом случае. Подошёл Исаак Яковлевич и начал давать мне уже устно разные задачки. Часть из них я знал, другая часть была просто на сообразительность, но требовала быстрого ответа. Решил я всё успешно, И.Я. посмотрел на меня внимательно и быстренько нарисовал на листке бумаги геометрическую задачку. Я взглянул и похолодел — это была задача из сборника, которую я перед этим, при подготовке, не мог решить в течение нескольких дней. Что делать? В уме промелькнули две мысли: первая — не может быть эта задача уж столь сложной, раз мне её дают на устном экзамене, и вторая — раз я перебрал перед этим все тяжеловесные методы её решения, то ответ лежит где-то на поверхности. Я подумал минут пять, вписал в угол окружность (далее решение было очевидно) и, не говоря ни слова, протянул её И.Я.. Он также без слов поставил мне 12 баллов.

К осени я был учеником 9 «З» класса с уклоном по математике и программированию. Я потом задавал себе вопрос: а если бы не решил? Наверное, всё равно бы приняли: в 1962 году ещё не было столь строгого отбора при приёме в школу.

1966 год

Учителя

Классным руководителем и литератором у нас была Наталья Васильевна Тугова. Типичный школьный советский учитель. Я прочитал её заметки во втором сборнике «Воспоминаний», они красноречивы и очень много говорят о ней самой. Мы действительно полгода разбирали «Войну и Мир», после чего я возненавидел эту книгу и Толстого на много лет вперёд. Но это не упрек Наталье Васильевне, она была ограничена программой, это судьба всех уроков литературы в советской школе. Хотя... были и другие учителя.

Забавный эпизод — в конце десятого класса, когда у меня на руках уже был аттестат из вечерней школы (а я продолжал учиться во «Второй»), я пришёл к Наталье Васильевне уже после конца занятий в последней четверти получить школьную характеристику для приёмной комиссии мехмата.

— Сушили, — сказала она, — а вы не сдали мне сочинение по Толстому, я Вас не переведу в 11 класс.

Но надо отдать должное, когда я объяснил, в чём дело, она написала мне очень хорошую характеристику и пожелала успеха.

К сожалению, я совершенно не помню Феликса Раскольникова, который, вроде бы, преподавал в это время в параллельных классах, и уже потом, я немного завидовал ученикам 444 школы (с которой мы негласно конкурировали), где литературу преподавал Юлий Ким. Эти имена естественно наводят на мысль, а были ли в этой время в нашей школе какие-то диссидентские настроения? Об этом в отдельном разделе.

Учителем математики, как я сказал, у нас был Исаак Яковлевич Танатар. Я проучился у него полные два года, т. е. 9 и 10 классы. В 1964 году он часто болел, в конце года совсем слёг, его даже подменяли на уроках, я навесил Исаака Яковлевича дома летом в июле, уже после зачисления на мехмат, застал в постели в очень плохом состоянии, успел сказать несколько слов благо-

дарности. Он умер примерно через две недели после этого.

Я не застал во «Второй школе» новой системы преподавания, когда в школу пришли Дынкин, Гельфанд, Манин. Это было уже после меня.

Но как всё-таки замечательно преподавал математику И.Я. Танатар, незаслуженно забытый (я не увидел в воспоминаниях каких-либо упоминаний о нём)!

И.Я. не считал нужным вводить в программу что-то серьёзное и систематическое из высшей математики, как он объяснял, в университете всё равно нас будут учить совершенно по-другому. И он был прав. Мы занимались почти в пределах школьной программы, но с добавлением задач чисто олимпиадных. По комбинаторике были очень интересные занятия и задачи. С моей точки зрения, это очень доступный и понятный раздел математики (и красивый!), странно, что в традиционной школьной программе он освещён мало, да и в инженерных вузах им почти не занимаются. Мы строили графики разных функций, вырезали лекала для них, тренировались подбирать формулы для разных графиков или просто угадывать, что это за функция. Были задачи на угадывание закономерностей в числовых рядах, на сходство-различие объектов. Много позже я понял, что многие из задач И.Я. входят в традиционные тесты на IQ.

Отдельно была тренировка памяти, запоминание тригонометрических формул, устный счёт и преобразования «на скорость». Были соревнования, кто запомнит больше знаков числа «пи». Немного это напоминало стиль «Своей игры» (телевизионная передача) — кто первый нажмёт кнопку.

И главный девиз — соревнование. Кто решит быстрее, кто решит больше. Каждую неделю И.Я. устраивал мини-олимпиады в классе (или домашние), победитель становился его «ассистентом» на следующую неделю. Это было почётно. Чаще всего «ассистентом» становилась Таня Шура-Бура, иногда Лёва Дыскин, часто Андрей Илларионов. Я был в этих играх вполне успешен, наверное, поэтому они мне нравились.

Потом, уже учась на мехмате, я понял ценность этих тренировок. Развивалось умение быстро оперировать символическими объектами, «в уме» наглядно представлять геометрические и комбинаторные образы, тренировалась абстрактная память.

Но Исаак Яковлевич был жёсток по отношению к тем, кого не считал способным. Планка требований была высока, и тот, кто ей не соответствовал, безжалостно отбраковывался, как у хорошего коннозаводчика — одних на скачки, других на мясо. Первой (хотя, может, и единственной) жертвой стал мой друг Серёжа Бутягин. Его И.Я. просто-таки выпроводил из школы, он вынужден был перейти от нас в обычную районную школу, и, как оказалось, был ранен этим на всю оставшуюся жизнь. Других, не очень способных к математике учеников, И.Я. просто не замечал. Хотя, надо понимать, что такое «не очень способных» — в классе все абсолютно до единого человека были бы круглыми отличниками по меркам обычной школы. Но Исааку Яковлевичу «обычности» было мало. Он хотел работать только с талантами. Думаю, что талант (в понимании И.Я.) — это наличие очень быстрого и цепкого ума, общей сообразительности. И эти способности он очень успешно «натаскивал», буквально, как спортивный тренер. Потом я многократно вспоминал эти тренировки и их результат — умение быстро разобраться в совершенно новых и до того неизвестных вещах, иногда и не связанных с математикой.

Позволю себе немного порассуждать о правильности подхода И.Я. Танатара к обучению. Можно рассматривать эту проблему в нескольких аспектах: подготовка к поступлению на мехмат МГУ или, более широко, в технические вузы; подготовка к обучению в тех же вузах по математическим или физическим специализациям; и собственно образовательный результат этого обучения в школе.

Первое. Подготовку к экзаменам мы, несомненно, получали очень эффективную. И само содержание уро-

ков, и соревновательная методика их проведения очень хорошо подготавливали нас к экзаменам, в частности, психологически. Что это — натаскивание? Нет, тренировка. Тренировка умения быстро думать, не отвлекаясь на частности, и быстро принимать решения. Это очень пригодилось в жизни, и не только на экзаменах по математике.

Второе. Подготовка к обучению на мехмате МГУ, могу говорить только о нём. Вывод неоднозначный. Всё-таки, при всех особенностях обучения во «Второй школе» у И.Я. и при всей насыщенности и интенсивности программы эта была школьная методика обучения, ориентированная в основном на коллективную работу в классе. Домашние задания представляли собой в основном наборы задач. Я не помню, чтобы нам поручалось самостоятельно изучить какой-то раздел математики или самостоятельно доказать теорему, пусть и несложную (в классе да, мы этим занимались, но не самостоятельно, а коллективно). Как следствие, я лично не очень-то научился работать индивидуально, что на мехмате не мешало мне очень легко воспринимать основную программу и сдавать экзамены, но не сильно стимулировало заниматься систематически в профильных семинарах (т. е. в занятиях необязательных и сугубо индивидуальных), т. е. собственно и вести научную работу. Более того, ни в школе, ни на первых курсах мехмата я совершенно не отдавал отчёта, а какова же она — работа профессионального математика? Был гигантский разрыв между системой обучения в школе и на мехмате, но ещё больший разрыв между мехматом и будущей работой большинства из нас.

Как плюс отмечу, что уже в школе у нас была воспитана внутренняя потребность абсолютной строгости доказательств, выводов, а как следствие, чёткость и последовательность мышления, систематичность в изложении. Поэтому требования мехмата в этой части воспринимались легко и естественно. ■

Георгий Сушили́н, выпускник 1965 года

Короткая справка о себе

«Вторая школа», потом мехмат, потом, после МГУ, занимался в различных НИИ искусственным интеллектом, математической лингвистикой, информационно-поисковыми системами. Были отдельные достижения и публикации, которыми мог бы гордиться, но в целом научной карьеры не сделал, как-то больше тянуло к практике, в конце концов, стал хорошим системным программистом.

С начала 90-х годов окончательно перешёл на менеджерскую работу, был техническим директором, заместителем генерального директора в крупных телекоммуникационных компаниях, в настоящее время генеральный директор ОАО «Российская телекоммуникационная сеть». По сей день благодарен «Второй школе» и всему, что с ней связано.

ВЕСНА ПРИШЛА!

Стихи Кати Ларинской, 11 класс «А»

Моему Пегасу

В том совершенно нет моей заслуги,
Что я пишу. Мне нравится писать.
В сомнение, счастье, радости, испуге,
Достаточно перо с бумагой взять.

Словосплетенья, ритмы мне приносит
Крылатый и стремительный Пегас.
Душа-загадка пониманья просит,
Мольбы важней, чем рифмы этих фраз.

Мольбы — мои, слова же все — чужие.
Я не могу порою понимать:
Ну, почему словами дорожили,
Но не могли моим мольбам внимать?

Я этой ночью свет не выключаю...
Ко мне, надеюсь, прилетит Пегас.
Я приглашу его на чашку чаю,
Ему открою душу я сейчас.

А я хочу!

А я хочу, чтобы весна московская
Стирала грани, сокращала дистанции.
Чтоб в переулках и на перекрестках
Мы ждали поезда до нашей станции.

А я хочу, чтоб невозможность истины
Казалась глупым, неправдивым домыслом.
Сознания переплетались мыслями,
Действительность не отступала перед
ПОМЫСЛОМ.

А я хочу, чтобы твои мелодии
В моих ушах синхронно зазвучали.
Чтоб не сарказмы, шутки и пародии,
А искренность в словах мы отмечали.

А я хочу, чтобы весна запутала,
Переплела мечты с моей реальностью.
Чтоб поражались мы таким минутам,
Воспринимаемым когда-то странностью.

А я хочу согреться ярким светом,
Зимой мне не хватало так тепла...
Весна придет, а дальше будет лето...
Смотри в окно! Весна почти пришла.

Хочешь встретиться сегодня вечером?
Земля вертится, точно подмечено.
Хочешь встретиться сегодня вечером?
Вечер будний распишем красками.
Совсем не трудно, сверкая глазками,
Улыбкой яркой и очень чистой
Дарить подарки, сиять лучисто.
Пусть нету поводов. Мне и не надо!
Без всяких доводов я просто рада.
Глаза зелёные блестят и светятся,
Опять влюблённые... Мечтают встретиться.
Беспокойное сердце стучит, колотится.
Некуда деться от одиночества.
В душе сомнения, боль, ожидания.
Страх, подозрения, боязнь признания.
Но всё заметно при встрече сразу,
Секрет заветный вмиг виден глазу.
Тревоги, волнения, мольбы, ожидание...
Ничто, тем не менее, не избегнет внимания.
Глаз сияние будет замечено!
Хочешь встретиться сегодня вечером?

* * *

Шёпот любимых имён
 Что прячется в уголках губ?
 Шёпот любимых имён...
 День уходящий глуп,
 День приходящий умён.
 Он приоткроет двери,
 Поможет сделать шаги...
 Но город похож на зверя:
 Никому не прощает долги.
 Город внушает страх.
 Но у того, кто влюблён,
 Прячется на губах
 Шёпот любимых имён.

Между нами

Между нами не так уж долго
По пустынным и тихим улицам.
Но зачем же мечтать без толка?
Добежать сейчас не получится.

Между нами не так уж много.
Чтоб не спать, ещё чашка чая.
Но должна же открыться дорога!
Ты найдёшь её, обещаю.

Между нами опять повиснет
Тишина и, сияя глазами...
Знаешь, только от нас зависит,
Что же будет потом между нами.

Весенние мысли

Мысли по закоулкам рассеяны:
Мысли о чести, о долге, любви.
Я читаю снова стихи весенние,
Я пытаюсь снова писать свои.

Пока не понять, наверное, даже,
Каким в душе останется март.
Весна пока — корабль бумажный,
Везёт на борту колоду карт.

Мысли сминает, словно салфетки.
Сутробы она превратит в зеркала.
Танцуйте, пойте, ликуйте, детки.
Что вы стоите? Весна пришла!

Художник

Художник умер ранней весной, когда блики от растаивающего снега под окнами бегали по потолку его комнаты. Это был яркий, вспыхивающий день. Тени облаков и яркие клочки просветов вперемешку взвивались над крышами, то гася, то поджигая окна напротив, как сам Художник, бывало, стоял в темноте, включая и выключая свет. В такие дни нельзя идти медленно, потому что есть горы грязного снега, которые нужно перепрыгивать, есть дороги, наполненные, как чаши, талой водой, которые нужно перескакивать, есть несущиеся, ревущие звери машин, от которых нужно убежать.

В воздухе стоял свежий запах, скорее воды, чем земли. Когда шёл мелкий, морозящий дождь, казалось, что капли не падают с неба, а взбиваются из луж.

А когда я пришла домой, Художника уже не было. Я поняла, что что-то не так, уже в коридоре, оглядываясь, растирая воду по холодным пальцам. Это был свет — он изменился. Стало ярче. Дело не в том, что где-то горела лишняя лампа — просто на стене появился новый блик.

Это было напротив комнаты Тона. Я осторожно заглянула, приглаживая лохматые и сырые после шапки волосы.

Тон сидел за столом, спиной ко мне. Его руки неподвижно лежали перед ним. Лишний блик кольнул откуда-то сбоку. Я глянула туда и увидела перекосившуюся застеклённую рамку. Заходящее солнце застряло в ней, зацепившись за непривычную темноту картона.

Тогда я поняла, что Художника больше нет.

Я вспомнила, как познакомилась с ним. Это было несколько лет назад, когда у нас на доме сменили номер. На углу висел большой квадратный номер с гордой цифрой «7»; потом на его месте вдруг оказался тщедушный квадратик с мелкой циферкой, которому я бы не доверилась, не зная я сама номер дома; а затем он немного расправился, вытянулся в длинный прямоугольник, большую часть которого занимало название улицы «Стартовая», так что, на мой взгляд, вышло ещё глупее. Я стояла и недоверчиво разглядывала блестящий на солнце прямоугольник. А когда я обернулась, то увидела Художника. Он фотографировал номер дома. Фотоаппарат послушно щёлкнул, и он отвёл его от лица, не отрывая глаз от таблички.

Он был везде. Он был на улицах, на остановках, в подземных переходах, под окнами, витринами, фонарями. Он фотографировал воробьёв и голубей, автобусы и троллейбусы, небо и случайные блики солнца. Он фотографировал людей, но тогда, опуская фотоаппарат, быстро отводил взгляд. Однажды я заметила его у обочины дороги. Он фотографировал что-то на асфальте. Я подошла, но не увидела ни листьев, ни следов, ни солнечных пятен.

— Что ты фотографируешь? — спросила я.

Он резко обернулся, как бы защищаясь, растерянно глянул на меня и, наконец, показал рукой на ломаную трещину.

У него было много фотографий трещин на асфальте, но та осталась его любимой. Тёмная ломаная, плавно загибающаяся к сети паутинок, черта тени провода и любопытные носки моих бордовых ботинок, на которые случайный порыв ветра кинул ярко-жёлтый кленовый лист.

Художник жил в комнате Тона, только это был не Тон. Только тот, кто знает Тона так же, как и я, поймёт меня. Художник — это Художник, это не Тон, и он исчез в тот весенний день, воздух которого был наполнен водой и клочками света.

Художник был везде. Он был мой Город. Он ушёл, и вместе с ним ушло что-то очень важное. Рядом со мной не было того, кто — я это знала — может поймать и оставить то, что я вижу. Он умел перенести город — весь, до капельки, до случайного блика, взгляда, звука, мысли, — на бумагу. Без него мне начало казаться, что жизнь проходит мимо неосознанная, непонятая до конца, не прижатая в руках на лишнюю секунду, на две — время начало идти, бежать, быстрее, беспощаднее.

— Знаешь, Тон, — сказала я однажды, протянув руку за пролетавшим красновато-жёлтым листом. — Я устала.

Лист упал и с сухим перестуком, перешелестом покатылся по асфальту.

— Знаю, — сказал Тон.

Это был Тон.

— Ты не умеешь воскрешать людей.

Он посмотрел вверх — на небо, потом вниз — на трещину в асфальте, на тени проводов.

— Смотря о ком ты говоришь. ■

Саша Васильева, 9 класс «А»,
(иллюстрации автора)

Штучка

— Я дома!

Перетаскиваю чемодан через порог, захопываю дверь и тону в темноте. Нащупываю выключатель. Зажигается свет, осветив пустой коридор и пыль на зеркале.

Нерешительно заглядываю в комнату, на кухню и возвращаюсь в коридор. Сдуваю пыль с зеркала и вглядываюсь в своё отражение. Я вернулась.

И опять ухожу. Опять бегу вниз по ступенькам, грохот чемодана — за мной, толкаю двери, вырываюсь на скользкий асфальт, в облако снега, и машу руками отъезжающему такси.

Машина останавливается. Я, то и дело оскальзываясь, тащу к ней чемодан.

Чемодан в багажнике, я на переднем сиденье. Дворники метаются по стеклу, размахивая мокрые снежные хлопья.

— Фонарная, тридцать два, — говорю я.

— Тебя так долго не было дома? — спрашивает таксист, бросая взгляд в стекло заднего вида. — Если ты даже не знаешь свой адрес.

— Да нет, не очень. Не знаю, почему моя семья уехала.

— Почему ты уехала?

Прижимаюсь виском к холодному боковому стеклу. Снаружи, за отражением салона, проплывают оранжевые и красные огни.

— Так, искала одного, — запинаюсь на слове человека. — Друга.

— Нашла?

— Да нет.

Я искала ветер.

— Вы уверены, что это тот дом?

Таксист пожимает плечами, ставя мой чемодан на тротуар.

— Ты назвала этот адрес.

Толкаю тяжёлую дверь. Круглая, скудно освещённая комната — и тёмный проход напротив. Оттуда слышатся голоса.

Безвольно разжимаю ручку чемодана и, как во сне, иду по мягкому, бесшумному ковру, как по красному мху.

Зал погружён в чернила мрака; а впереди, на белой от света сцене...

— Ян! — закричала я. — Ян, братишка!

Но он не увидел меня. Он не обернулся на мой голос. Его голова всё так же склонена над белоснежным листом бумаги. Сияние прожектора очерчивает плавную линию его спины и лохматый ёжик волос.

— Ян!

Я бегу по проходу. Шаги отсчитывают оглушительные удары крови в висках. Другие лица на сцене сливаются в одно пятно.

Протягиваю руки. Пытаюсь взобраться на сцену, но что-то не даёт.

Он меня не слышит.

Сбоку ступеньки. Оступаясь, избегаю по ним и проваливаюсь в закулисы, ограждённое от этого сияния софитов. Бегу, путаюсь, теряюсь, останавливаюсь. Тяжёлая красная ткань — душная паутина. Ловлю воздух ртом.

Шаг назад — и я проваливаюсь в ещё более глубокую темноту, в другое измерение закулисы. Ладони скользят по льду стен.

Вспыхивает свет. Вскидываю руки, защищая глаза. Щурясь, вглядываюсь в фигуру дальше по коридору.

— Ян?.. — Опускаю руки. — Братишка, как же ты меня напугал...

Он улыбается. Я всхлипываю и нетвёрдыми шагами бреду к нему.

— Я вернулась... Я не нашла его...

Он качает головой.

— Нет, — говорит он. — Ты не вернулась.

— Что?..

— Это не мы, не мы, не мы...

— Это мы! — перебивают другие голоса, и сразу дюжина рук подхватывает меня и тащит по коридору. — И это ты! Как мы рады, рады, рады!..

— Ян! — Я вырываюсь, но меня ловят и ведут дальше, змейёй коридора. — Куда?..

— Я здесь! — Он нагоняет меня и тоже подхватывает за руку и ведёт дальше. — Почти пришли!

Уже бежим, летим — и в вихре красной ткани вырываемся на сцену.

Вспышка софитов, рёв аплодисментов — протягиваю руки — они тонут в сиянии — смотрю на ладони, как на чужие, недоверчиво поднимаю голову...

Пианино. Флейта. Ян хватает мои руки, и мы летим по отполированному полу.

— Ян, я не понимаю... — Почти плачу. Лоб горит. — Что происходит?

Он улыбается, и — одними губами, так, чтобы никто не услышал:

— Это не мы. Найди нас. Настоящих. Тогда найдёшь и ветер.

Я не успеваю раскрыть рта — он отталкивает меня — я вновь проваливаюсь в красный мрак. Поднимаюсь на ноги, на ощупь пробираюсь обратно. Полоска белого света. Я выглядываю.

На сцене стоит — стою — я. Мои волосы, мои черты лица, моя одежда. Мой чемодан.

Я на сцене оглядываюсь и делаю едва заметный жест рукой мне за кулисами. Иди, — говорит та я. Голова кружится. Вглядываюсь и вдруг замечаю в воздухе над её головой тончайшие, паутинные нити. От рук, ног, волос, одежды — они тянутся вверх, теряются в необозримой высоте.

Смотрю на Яна. Он говорит что-то мне, мне-марионетке, и нити вспыхивают над его руками.

Дыхание перехватывает. Шаг назад — ещё — ещё шаг — и я бегу, раздёргивая и отталкивая ткань, раскрыв глаза, но уже кажется, что они закрыты, — так темно.

Спотыкаюсь. Лестница. Ступенька за ступенькой, вверх. Туда, откуда тянутся нити. Каблуки стучат по камню. Поворот, шаг, вверх, поворот — вырываюсь на площадку.

Открываю глаза.

Таксист поднимает мой чемодан. За ним — я не вижу — смутные очертания — оранжевые огни.

— Я не знаю адрес, — шепчу я.

— Найдём.

Солнце пронизывает лазурный воздух и запутывается в облаках. Далеко внизу бежит тень самолёта.

— Куда мы летим? — спрашиваю я, нерешительно оглядывая штурвал.

Он хлопает ладонью по приборной доске, и самолёт ныряет в резкое пики. Крик застревает у меня в горле.

— Туда, куда ты хочешь, — сказал он. — Хватит думать о земле.

Самолёт выровнялся в плотном тумане.

— Не сворачивай, — бормочу я. — Мне нравится в облаках.

— Так, хорошо. Пока тебе здесь нравится, мы здесь.

Пушистая белая масса наползает на лобовое стекло, проносится мимо крыльев.

— Стой! — кричит он вдруг.

Всё вокруг замедляется и наконец застывает.

— Что?

Различаю впереди красные огни.

— Пробка. — Он выглядывает из окна, потом открывает дверь. Крохотные капельки воды врываются в салон, застывают на одежде, волосах, ресницах. — Дальше пешком.

Вытаскивает мой чемодан. Я неловко пробираюсь следом, задевая рукой рычаги на приборной доске.

— Холодно, — выдыхаю я.

Мы стоим в середине белого ничего. Воздух наполнен водной взвесью, как после летнего ливня.

— Что это там, впереди? — Я замечаю какие-то чёрные очертания. — Пойдём-ка туда.

Иду вперёд. Он — за мной. Колёса чемодана катятся без стука, без единого шороха.

Предмет впереди собирается из тумана по чуть-чуть, по чёрточке, по точке. Чёрная — колонна — колонны — мост...

— Мост, — говорю я. — Это мост. Странно, так высоко.

Высоко. Мысль проносится быстрее, чем я успеваю её остановить. На чём я стою? Ноги теряют опору.

— Нет, нет! — кричит он, бросает чемодан, протягивает мне руки, но я уже вне досягаемости — далеко внизу.

А ещё ниже была вода. Нескончаемое движение темноты и блеска, мозаика из кончиков волн. Я не могла ни кричать, ни даже думать — только протянула руки на ветер — в ветер!

— Ветер! — Смеюсь. — Ты, бродяга! Где же ты пропадал? А, дружище, как же я по тебе скучала!..

Взрыв воздуха и воды — нас окружает правильная сфера. Сверкающая, изогнутая поверхность океана сомкнулась, как мыльный пузырь. Мы внутри — я и ветер.

Падение замедляется, останавливается — и я вырываюсь из горько-солёной воды, содрогаясь от кашля.

— Я нашла тебя! — выговариваю. — Но это значит — я найду и их!

Смотрю вверх. Мост теряется в облаках. ■

Саша Васильева, 9 класс «А»,
(иллюстрации автора)

У вас впереди ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Рука Герберта замерла над столом, когда он взглянул на свежую газету. Он сдёрнул с носа очки, быстро протёр их рукавом и вновь надел — надпись на месте.

«Еггог», — гласил заголовок газеты.

Дверь тихо отворилась, и в кабинет своей бесшумной походкой вошла Алиса. Она поставила на пол ведро и, окунув в мутно-серую воду тряпку, спросила:

— Я уберусь? Не мешаю?

Герберт встряхнул газету. На титульном листе была фотография его института. Поверху — заголовок жирным шрифтом: «Прорыв в единой теории».

— Что? Да, да, — ответил он рассеянно. — В газете опять дифирамбы нашей группе. А мне Бог знает что сначала почудилось...

Герберт нервно глотнул чая и поставил чашку на блюдечко. Фарфор зазвенел непривычно громко.

— Знаете, что я бы вам посоветовала? — Алиса принялась протирать пыль на полках многочисленных стеллажей, так что весь кабинет наполнился звуками передвижаемых и переставляемых предметов. — Отдохните. Вы же совсем заработались. Съездите на недельку в горы — глядишь, полегчает.

— Может быть, ты и права. Но, в любом случае, не сейчас.

Герберт откинулся на мягкую спинку кресла. Стол был завален бумагами, бумажками, схемами, письмами; из этой массы выглядывал поглощающий дневной свет монитор. Герберт разгрёб бумаги там, где всегда лежала клавиатура, недовольно отодвинул её и стал точить карандаш.

— Сегодня мне не работается, — сказал он задумчиво.

Алиса, бережно придерживая раму, протёрла стекло на старой фотографии. По привычке она улыбнулась, в ответ на гримасу Эйнштейна тоже показала ему язык.

Под портретом на тонких белых нитях колыхалось облако маленьких бумажек.

— Да, вспомнил. — Герберт нашёл на столе такой же бумажный квадратик, встал из-за стола и подошёл к фотографии, разматывая катушку нитей.

— Новая? — Алиса с любопытством глянула через его плечо на бумажку. — «Вселенная — это полностью бесплатный ланч». Алан Гут.

Тихонько смеясь, она отошла к окну и раздёрнула тяжёлые шторы. Герберт подвесил квадратик к нижнему краю рамы и вновь сел за стол.

— А разве не странно, что всё так случилось? — спросил он внезапно.

— Как?

— Так, что появилась жизнь. Мне всегда казалось, что жизнь — это самая удивительная вещь во Вселенной. Кроме, может быть, самого существования. И разве не странно, что всё складывается так гладко? — Он провёл рукой по бумагам. — Всё, о чём я мечтал в детстве, — всё сбылось...

Алиса взобралась на подоконник, протирая пыльное стекло. Ей не нравилось, когда Герберт начинал рассуждать о странностях и случайностях. О том, как, и о том, что бы было, если. Он любил рассуждать о том, как ему повезло в жизни. Она завидовала? Возможно, даже наверняка. Как бы то ни было, она напряглась в ожидании очередной лекции, которая по сути своей светла, но всегда оставляет неприятный осадок.

Но Герберт только сказал:

— Как же у меня раскалывается голова... Открой, пожалуйста, окно, — здесь так душно.

Алиса распахнула высокую раму — солнечные блики вспыхнули на бумагах, разбросанных на столе, на бледных руках Герберта, на узловатых пальцах, закрывавших лицо.

— С вами всё в порядке? — спросила Алиса обеспокоено, подхватывая ведро. — Опять давление? Сейчас, я сбегаю за таблетками...

Она выбежала из кабинета, бросив ведро у порога. Герберт мутными глазами смотрел, как серая вода льётся на ковёр, как ворвавшийся в комнату ветер вскидывает шторы и тормозит облако бумажных квадратиков. Пульс отчаянно бился в висках, стучал, как молотком, по горячему лицу, по холодным рукам.

На бумагах, прямо перед его глазами, горели золотые блики — такие яркие, как само солнце — даже ярче. На них было больно смотреть, но он всё равно смотрел, как загнипнотизированный, пока не стало казаться, что вся его боль происходит от этих крошечных кусочков света.

А потом он увидел свои руки. Они уже не были узловатыми, их не пересекали толстые синие прожилки, просвечивающие сквозь папиросную кожу.

Это были руки молодого человека.

Он резко сел — голова едва не взорвалась — он со стоном опустился обратно.

— Тише, тише. — Незнакомый голос.

Герберт зажмурился, потом вновь распахнул глаза. На потолке, прямо над его головой, ярко-зелёным светом было написано: «Егог».

Ошибка.

— Что? — выговорил он.

Вновь сел, на этот раз медленно.

В ногах его кровати сидел сухой, вытянутый человек в чёрном костюме. Пристальными водянистыми глазами он вглядывался в болезненно сощуренные глаза Герберта.

— Боюсь, срок вашего контракта истёк, — сказал он голосом с поразительно поставленными интонациями автоответчика.

За спиной вытянутого человека было что-то тёмное, мигающее и подвижное — Герберт напрасно вглядывался туда.

— Не понимаю. Вы кто?

— Я представитель агентства «Виртуальная жизнь». Вы заключили с нами контракт ровно на пятьдесят лет виртуальной модуляции жизни вашей мечты. Вынужден вам сообщить, что срок вашего контракта истёк сегодня.

— Не понимаю... — начал было Герберт и осёкся.

Голова разболелась ещё страшнее — как будто в сознании поселился шипастый огнедышащий дракон.

— Так это всё была виртуальная модель? — проговорил он.

Вытянутый человек утвердительно качнул головой.

— Именно. Ваши воспоминания скоро к вам вернутся. Это всё была неправда. Это всё было зря?

Но тогда всё понятно. Почему мне так везло. Почему исполнились все мои мечты. Почему всё получилось так прекрасно.

Всё получилось прекрасно...

— Скажите, — почти крикнул Герберт — быстро, на волне решимости, — скажите, если я сейчас вернусь в виртуальный мир, — я всё забуду?

— Да, конечно. — Голос откуда-то сбоку. Герберт смутно различил белую фигуру на самом краешке зрения.

Но тут к Герберту начали возвращаться его настоящие воспоминания.

— Отправьте меня назад, — выдохнул он, опускаясь обратно на жёсткую кушетку. — Ещё хотя бы на десять лет. Деньги возьмите с моего счёта.

Сквозь биение пульса он услышал приближающиеся шаги. Мягкая ткань стёрла холодный пот с его лица.

— Хотя бы на десять лет, — пробормотал тот, кто последние пятьдесят лет считал себя Гербертом. — А потом я вернусь. Верните меня, слышите?

— Да, конечно, — согласился всё тот же второй голос. Весёлый и успокаивающий. — Какую жизнь мы хотим?

Он почувствовал, как на его виски ложатся прохладные контакты.

— Самую счастливую, — сказал он.

— Хорошо.

Техник отошёл к мониторам, бросив проверяющий взгляд на лицо человека, сознанием которого он управлял последние пятьдесят лет. Завидовал ли он?

Скорее нет, чем да.

— Готовы? — крикнул он. — Вас ожидает целая жизнь. Самая счастливая. ■

Саша Васильева, 9 класс «А»,
(иллюстрации автора)

МНОГОЛИКАЯ АСЯ

У Анастасии Ивановны было много лиц-выражений и стилей общения: при слушании стихов, во время молитвы, в общении с кошками и собаками, в воспоминаниях о ссылке, в беседах о Марине Ивановне, в наставлениях о семейной жизни, в общении с духовной дочерью Е.Ф. Куниной, в разговорах о пище земной, в историях о любви, в письмах. При этом она натура цельная, как Земля, у которой есть и горы, и пустыни, и океаны. Описать все эти «лица» мне не под силу, — могу лишь наметить некоторые из них.

Однокомнатная квартира разгорожена (занавесками, шкафами) на много «палат»: спальня с киотом, выставка любимых фотографий, выставка детских рисунков, гостиная вокруг стола, стульчики и кресло возле рояля для чтения стихов, тумбочка и «холодильник» с рукописями, крошечное рабочее место за секретером, кухонька, где всех поят чаем. Дом полон мелочей. Около выключателя горит маленькая розовая лампочка, которая служит ориентиром в темноте. При входе в спальню на полу лежит конверт, на котором написано «не поднимать» — напоминание включить и отключить сигнализацию.

Восхищает её подвижность и подтянутость, она в 95 лет ни в чём не даёт себе поблажек: сама идёт ставить чайник, сама идёт за любой вещью и каждого провожает до дверей. Она не допускает, чтобы к ней подошли прощаться, — обязательно встанет и благословит в добрый путь. У Анастасии Ивановны фантастическая память: она наизусть помнит любой телефон из объемистой записной книжки! Вероятно, потому, что в юности увлекалась кабалистикой и с каждым числом выполняет действия, дающие им интерпретацию. А если забудет чью-то фамилию, то не успокоится, пока не вспомнит.

Вдруг три звонка в дверь. Анастасия Ивановна легко поднялась и пошла открывать. Вошёл пожилой энергичный мужчина и с порога произнёс: «Здравствуйте, Асенька! Вот я принёс вам продукты». Оказалось, сын — Андрей Борисович. Это у него привычка с детства называть маму Асенькой и на «Вы». Не заходя в комнату, поговорили, и Андрей Борисович ушёл. Вдруг Анастасия Ивановна рванулась к двери и кричит: «Андреюшка! Перчат-

ки забыл!» Но Андрея Борисовича и след простыл. А перед этим она уговаривала 70-летнего сыночка носить шарф, а он отказывался и сердился, как подросток.

Её отношение к животным¹ можно почувствовать по одной фотографии, где она упоённо общается с кошкой, гладит её и разговаривает с ней. Это такое проникновение в кошачью душу, что кошка становится равной по глубине восприятия человеку. Впрочем, все чувства у зверей гораздо тоньше наших, о чём мы постоянно забываем. Они нас понимают и по запаху, и по тембру голоса, даже без слов и на расстоянии. Они не умеют шутить и обманывать, но они искренни и преданны, как рыцари и влюблённые.

А как она слушала стихи! Это было полное сосредоточение, даже если автор был неизвестный и начинающий. Затем следовал обстоятельный разговор об услышанном, душеполезный и вдохновляющий. Она не говорила свысока, а создавала контакт души с душой. Иногда чтецы забывали, что говорить надо внятно, тогда Анастасия Ивановна комментировала: «Ваши последние басовые звуки глохнут о тишину».

Анастасия Ивановна была сторонницей максимально точного перевода стихов, погружения в мир автора, что-

¹ Животные, особенно кошки и собаки, для Анастасии Ивановны были близкими друзьями. Она считала, что они «всё понимают, но не выражают в словах», им посвящена её книга «Непостижимые» (М. 1992). Эту тему Анастасия Ивановна продолжает в записи на сохранившемся в архиве листке: «Моё давнее „Вы“ — животным и грудным детям. Оно совпало с названием моей книги „Непостижимые“. Ребёнок на руках матери бессловесен. Он пришёл из Неведомого нам мира из тайны воплощения души. Из Вечности. Он приглядывается к нам, учится. И когда, спущенный на пол, бегает, говорит — он утерял свою таинственность. А собака и кошка возле него — сохранили таинственность. И когда в 3 года ребёнок идёт в детсад и уже научился сказать: „Как дам тебе в мойду!“ и сжимает ручку в кулачок — он уже стал гражданином своей страны, и я, само собой, говорю ему „ты“. А с котами и псами я навеки на „Вы“, иначе не получается. А ещё я вспоминаю где-то давно прочитанное утверждение восточного учения, что человек создан по образу и подобию Божьему, а животные по образу и подобию ангельскому. Да, животные безгрешны. Грех, так знакомый человеку, ангелам и животным — неведом. И животные, как и ангелы, жалеют нас за эту великую разницу. А о том, как человек обращается с животными, особый разговор...»

Анастасия (слева) и Марина Цветаевы

бы переводчик выражал не себя, а дух и стиль оригинала. Она говорила: «Переводчик должен как коврик стелиться в ногах у автора», только тогда это будет перевод, а не стихи по мотивам.

Анастасия Ивановна оживлялась, приступая к сочинению рассказа, письма или отзыва. Глаза её блестели, движения становились молодыми и быстрыми, весь мир преображался и вовлекался в творчество. В эти минуты она не чувствовала возраста, а я боялся вспугнуть таинство рождения слова, уникального и яркого, умного и точного.

Её Письма, как и речь, живые и содержательные. Вот образец одной из тысяч её открыток (04.04.1982) к моему отцу: «Кириллушка! Простите мою медленность — отвечаю на „Пояс Ипполиты“. Понравился! Благородная вещь! Против мужской спеси! Весь мир тонет в ней. Горький мне говорил: „Миром правят мужчины — и плохо правят! Я — за матриархат!“».

Анастасия Ивановна и в лагере, и в ссылке, и на воле учила взрослых и детей языкам, особенно, английскому. Она была последователем известного учителя Натана Кобленца², который утверждал, что единицей языка является не слово, а фраза, на которую надевают слова. Из этого простого наблюдения следовала принципиально другая, чем обычно, методика обучения: давался минимум слов, которые непрерывно использовались то в одних, то в других фразах. В результате не было проблемы заучивания слов и было ощущение, что человек может говорить на разные темы. Затем понемногу добавлялись новые слова, и то, только при условии их постоянного использования в разговоре.

² Кобленц Натан Самуилович — филолог, педагог. Много сделал в области преподавания английского языка. С начала 1930-х гг. и до конца жизни (1960) издал большое число учебников и пособий для начальной школы и самообразования, публиковал адаптированные произведения в английской классике. Был знаком с Анастасией Ивановной в период её увлеченного изучения английского языка (1921–1923 гг.)

Она говорила: «Когда вы на этой методике утвердитесь, то уже не будете ошибаться никогда. Человек держится за конструкцию, а слова — это материал, который малыми дозами встраивается в язык. Слова, как семя, возвращаются в речи, а человек заново рождается в языке. Не надо заучивать фразы, — нужно как можно скорее почувствовать своеобразие языка и научиться думать на языке. Достаточно 25 фраз, чтобы уже сочинять. Заменяя во фразах одни слова на другие, можно вести густой разговор. При этом начинающий полностью владеет тем, что ему дано. И так весь курс. Обучать можно без карандаша и бумаги. Потом, после 50 конструкций начинались уже изысканные сочинения, это были уже поэмы. Это была для меня интереснейшая работа в хитросплетениях языка, его тайниках и кладях. Меня, — вспоминала Анастасия Ивановна, — даже под видом ареста „выкрали“, переведя из одного лагеря в другой, и я четыре года работала как преподаватель».

Тактичность. Однажды она усадила меня в кресло, а сама села на низенький деревянный стульчик. Так за чтением стихов и разговорами прошло несколько часов. Анастасия Ивановна устала и захотела пересест в кресло, а я увлекся происходящим и забыл о её возрасте. И вот она встала, что-то взяла и по дороге уронила конверт. Я вскочил поднимать конверт, а Анастасия Ивановна уже сидела в кресле и продолжала беседу.

Первое моё удивление: почему ко мне, постороннему человеку, у великого и заслуженного человека столько живого внимания? Оказалось, Анастасия Ивановна писатель по жизни, — в каждом разговоре она уже видит будущий интересный рассказ, и она очень любит завязывать отношения между людьми — «дарить их друг другу» — по её выражению, она приучает всех к взаимной помощи и дружбе, она живет по Евангелию.

Анастасия Ивановна постоянно помнила о людях, которые нуждались в помощи, она включала их в свои записки «О здравии» и поминала на молитве перед сном. Особенно она усердно молилась о людях в тот момент, когда узнавала о их бедах, она сразу шла к иконам, зажигала церковную свечку и всей душой просила Господа Бога и пресвятую Богородицу о помощи. Если страдающий был рядом, то она, не спрашивая его, верует он или нет, ставила его рядом и напоминала: «Где двое или трое молятся во Имя Моё, там и Я посреди них». Тем, кто заявлял, что он неверующий, Анастасия Ивановна говорила: «А вы не думайте о том, верующий вы или не верующий, — взывайте о помощи, и помощь придёт».

Каждый день она перед сном читала Евангелие по одной главке (в последние годы ей читали друзья). Затем следовало обсуждение прочитанного. Удивительно, но каждый раз Анастасия Ивановна заново вслух обдумывала Писание, тем самым, вовлекая собеседника в разговор и глубину прочитанного.

Александр Кириллович Ковальджи, завуч, учитель математики, выпускник 1973 года

МОЛИТВЫ ПИСАЛИ ЛЮДИ...

Стихотворения Тани Капустинской, 8 класс «А»

«Зелёная звезда»

(навеяно «Марсианскими хрониками» Рэя Бредбери)

Марш, левой!
 Были разные —
 Стали смуглые и золотоглазые.
 Марш, правой!
 Пуля в висок:
 Столб дымовой вышел высок.
 Взвод, равнение!
 Мили пройдены:
 Взрослые дети без дома и родины.
 Рота, стоять!
 Частоты низкие:
 Там, на Земле, оставались близкие,
 Там, на зелёной звезде,
 На далёкой зелёной звезде
 Погибла любовь.
 Захлебнулась в крови,
 А на смену пришло короткое «Пли!»

Стоп, тишина!
 Звёздные мальчики,
 Ваши родители настроили датчики.
 Всем молчать!
 Ваши ушки
 Ловят лишь залпы и грохот пушек.
 Шагом вперёд,
 Напрямую к гибели:
 Без этой звезды вы когда-то были ли?
 Вскинуть ружья!
 Ваши фантазии

Будут подвергнуты эвтаназии,
 А там, на зелёной звезде,
 На далёкой зелёной звезде,
 Торжествует война.
 Танцует на пепле чужих костей,
 Встречает с улыбкой новых гостей.

Смирно, взвод!
 Остатки города
 Оплетены обрывком провода.
 Рота, равнение!
 Что остаётся?
 Никто никогда никуда не вернётся.
 Взрыв, гром!
 Обречённо молчат
 Сердца этих смуглых одиноких волчат.
 Пыль, волна!
 На этот раз
 Встретились взгляды золотых глаз
 Там, на зелёной звезде.
 На далёкой зелёной звезде
 Покинутый дом.
 Обожжённый, израненный, на себя не
 похож.
 Он-то знает, что скоро будет ласковый
 дождь...

Там, на зелёной звезде,
 Далёкой зелёной звезде
 Будет ласковый дождь...

* * *

Молитвы писали люди.
 Они не слышали Бога,
 А если и слышали, вряд ли
 Они постигали суть.

Мы вряд ли когда-то будем
 Стоять у Его порога,
 А если и будем, вряд ли
 Откроет нам кто-нибудь:

Мы клянчим у Бога деньги,
 Чтоб отыгаться в покер,
 Выпрашиваем удачу,
 Чтоб вытянуть нужный билет.

И только грудные младенцы
 И дряхлый старик одинокий
 Не знают, что это значит:
 В религии Бога нет.

Религия — это движенье,
 Заряд, что куда-то направлен.
 Не то на свидание к Богу,
 Не то на прилавок на рынке.

К Нему не придут подношенья
 Из каменных белых храмов.
 И знали бы Вы, как убого:
 Как на альбомной картинке!

И Бог среди этой оравы
 Застыл в позолоченной раме.
 Портрет фантазёра-фанатика,
 Не видящего Чистоты.

Религия — только оправа,
 А Бог — это Дух, это пламя.
 Как жаль, что дурная ваза
 Губит такие цветы...

«Крестоносец»

Я крестоносец...
 Я нашёл себе Бога на сердце,
 Я нашёл распятие на спине.
 И Ему никуда не деться,
 Пока я Его не отрину.

Deus lo volt!
 Pater noster, ave Maria!
 Мы рабы твои, Боже Всевышний!
 Мы зываем к Тебе средь пустыни,
 И мы верим, что Ты нас слышишь.

Я знаю,
 Что Твои повеления — суть.
 «Гроб Господень у исадий Ада!
 Убивай их, Кресту верен будь!» —
 Передал нам Слова Твои Pater.

Мне странно:
 Я помню Твои наставленья из книг:
 Ты учил нас только любви.
 Но Pater сказал, что Христос нам простит
 Эти руки в человеческой крови.

НАУЧИ МЕНЯ ЛЕТАТЬ

Стихи второшкольных поэтов

ВРЕМЯ

Остатки прошлого

Жизнь стремительно уносится вдаль, не оставляя ни следа...
Вчера всё было так, а сегодня всё уже иначе...
В этом бешеном беге я пытаюсь поймать себя...

Свет и тень плотно скрывают мою судьбу...
И мне интересно играть с огнём, выбирая своё завтра...
Но будет ли выигрышем то, что я в конце найду...

Правда настоящего

Я не изменяю себе, огонь не сжигает огня...
Но я изменяю себя, ветер поднимает языки пламени...
Если интересно, можно попытаться разгадать меня...

Новый ник, новый дизайн, новая квента...
Никому не известно, надолго ли это...
Но это так, и сейчас жизнь проста...

Мелодия будущего

Каждую секунду мои планы могут измениться...
И если тебе интересно, стань мне ближе...
Возможно, я даже позволю тебе приблизиться...

Я всегда нахожусь в поиске родной души...
И если ты хочешь быть мне таковой, стань моим...
Единственное правило — никогда не уходи...

Анастасия Шленцова, 9 класс «Б»

ВЕСНА

Это просто весна, бездумная, проливная.
Целовать твои губы влёт,
Обниматься на выходе из домов.
Это просто весна, безумно, смешно и, знаешь,
Взрываться, срываясь в полёт,
Прижиматься к твоим рукам.
Это просто весна — безбашенно, крышесносно,
Любить тебя дни напролёт,
Заявляться к тебе, смущённо шаркая ножкой.
Это просто весна — смеяться, смотреть на солнце,
Жать тебе руки при встрече
И гладить ладонью волосы.
Это просто весна — насквозь и навывлет, насплошь.
Это просто весна — не сердись на меня. Люблю.
Это просто весна — из наших сердец и кож.
Это просто весна.
Слышишь?

Анастасия Дмитриева, 9 класс «Б»

Научи меня летать.
Научи меня мечтать
И покажи мне мир в красках.
Я так хочу всё понять.
Как сложно осознавать,
Осознавать мечты.
Но ты всего лишь сон,
Но ты лишь мираж.
И это просто жизнь,
В которой нет любви.
И больше я не вижу смысла жить,
Любить
И вспоминать.
Я уйду, чтобы понять
И смысл найти и обуздать.
Но нет смысла бороться,
Игра давно проиграна.
Остался только король,
Что видит в пешках лишь прислугу —
Людей, что не имеют собственного слова,
Что видят жизнь в стенах,
В стенах игрового поля...

Мария Церетели, 8 класс «Г»

Я просила тебя: «Обернись!»
Я просила тебя: «Дай мне руку!»
Только ты лишь сказал: «Отвяжись»,
Не увидим мы больше друг друга.

Ты ушёл, я осталась. За что
Были все те страдания и горе?
Только вот мне теперь всё равно.
От тебя не узнаю я боли.

Посмотри, я не плачу, смеюсь!
Это искренний смех, настоящий!
Я уже ничего не боюсь.
Ничего. Ну, а как же иначе?

Анна Федюшкина, 8 класс «Б»

БЫСТРЫЙ ВРЕМЕНИ ПОТОК

Возвращаешься с прогулки? За едой идёшь, браток?
Заливает закоулки быстрый времени поток.
Как с тобою он играет! Скрытно где-то в стороне
Молча люди пробегают на его крутой волне.

Ты хотел потише, может, ну, а он — наоборот
То на быстрину выносит, то швырнёт в водоворот.
И не скрыться, не укрыться, не вздохнуть,
не продохнуть.
Не бывает, чтоб сменил он начерченный свыше путь.

Ты устал уже настолько, что плывёшь едва-едва.
К сожалению, у потока нет второго рукава,
В сто раз более широко распростёршего края.
Хорошо бы на равнине — там бы жил привольней я.

Никита Погорелов, 10 класс «А»

Я хочу сказать вам, люди,
Для чего мы рождены,
Для чего на этом свете
Мы природой созданы.

Но начну я чуть с другого:
Что творим мы на земле?
Убиваем мы друг друга,
Предаем тела земле.

Умирает в это время
Вся природа, все леса.
Это, что ли, наше бремя —
Рыть могилу для себя?

Что вы скажете на это?
Аль придёт на ум ответ?
Нет... Природа: поле, ветер...
Часть природы — человек.

Почему в лесу, на поле
Нам так сладко, хорошо?
Потому что там мы дома.
Сразу верится в добро.

Посудите сами: город —
Лишь пристанище людей.
А природа — это воля,
Это наша колыбель.

Дмитрий Аль-Авади, 7 класс «В»

Это сказка моих снов
Предвесенней полночи...
Без ненужных, лишних слов
Своих пальцев кончики
Уроню в ладони Ваши,
Словно символ уз.
И крылом во мне замашет,
Возродившись, птица чувств.
Это сказка... Кто в них верит?
В пальцы, в ногти, не дыша,
Крадучись, подобно зверю,
Скроется моя душа,
Попытавшись спрятать радость...
Вот нелепость! И сквозь гнёт
Вновь рожденная крылатость
Снова в небо нас взовёт.
И в полёте. Вне всех снов
Предвесенней полночью
Окрылённая любовь
Через пальцев кончики
Скатит нас в единый ком
Нераскрытых вод,
По которым босиком
К нам Весна придёт...

И. Б.

ЗИМА ДО КОНЦА ИСПИТА

Зима до конца испита... Приеду. «Университет».
В моих наушниках «Beatles», а выхода всё же нет.

Меня приветливо встретит «Капитолий» ярким теплом.
Он тоже немного в ответе за то, что будет потом.

Бил ветер промозглый в уши, пытался гасить огни.
Но скоро весна! Послушай... Пошире глаза распахни.

Весной все — немножко дети, а сердце стучит в груди.
Ты знаешь, что ты в ответе за то, что там, впереди.

Зима до конца испита, до доньшка тусклых дней...
А карта-стеснительность бита, я просто забыла о ней.

Я просто забыла о фальши, ведь нет для неё причин.
Ты знаешь, что будет дальше? Нет, тише! Давай помолчим!

Мы мелом асфальт разрисуем, мы будем как дети опять.
Мне кажется, мы рискуем. Но как же нам не рисковать?

Весна на всём белом свете! Нам целая жизнь мала...
Мы снова с тобой как дети. Не веришь — смотри в зеркала!

Зима до конца испита... Прогонит свет темноту.
Все страхи зимы забыты. Весну лови на лету!

Катя Ларишина, 11 класс «А»

ЖЕЛАНИЕ

Свобода идти, куда хочешь пойти:
Хоть всю эту землю кругом обойти.
Наверное, каждый хоть раз, но желал.
В душе мысль лелеял и Бога алкал.

Чтоб бросить всё это и жить одному:
Чтоб всё без проблем, всё решать самому.
Чтоб мысли свои мог ты вслух говорить —
От мира вокруг ничего не таить.

Хотеть жить спокойно — хотеть жить на воле,
Чтоб вся жизнь — большое и чистое поле...
Чтоб сердце открылось любви нараспашку
И билось так тихо под стёртой рубашкой.

Даниил Ткаченко, 9 класс «А»

Геометрия Лобачевского

на уроках математики в школе

В программе обучения Лицея «Вторая школа» кроме алгебры и геометрии есть ещё два часа, которые называют спецматематикой. Некоторые учителя выбирают в качестве спецкурса геометрию Лобачевского. Такой выбор обусловлен следующими соображениями.

Во-первых, пониманием необходимости познакомить школьников с очень важной для развития их математической культуры геометрической теорией, для изучения которой обычно не хватает времени ни в школе, ни в вузе.

Во-вторых, геометрия Лобачевского даёт уникальную возможность по-новому посмотреть на евклидову геометрию. Так, например, в стандартных школьных учебниках определение движения или вообще отсутствует, или, если и есть, то не понятно, зачем оно нужно. Довольно трудно найти задачи, при решении которых полезно применять движение. Большинство этих задач можно решить, не используя движения, причём решение не будет выглядеть искусственным.

Истинную мотивировку для введения движений евклидовой плоскости доставляет геометрия Лобачевского, когда оказывается, что евклидова гомотетия и инверсия являются неевклидовыми движениями. Таким образом, школьники совершенно естественно приходят к пониманию важнейшего когнитивного (познавательного) принципа:

«В каждой новой геометрии ищи аналог евклидоваго движения, что позволит использовать евклидову интуицию».

А различных геометрий, имеющих отношение к реальности, появилось много, в частности, аффинная, проективная, сферическая, риманова и т.п. Да и в каждой из них можно по-разному выбрать метрику (расстояние). Вот почему движение является одним из важнейших геометрических понятий.

В-третьих, прямыми в модели Пуанкаре плоскости Лобачевского являются евклидовы полуокружности (их специальное подмножество), т. е. для этих полуокружностей

выполняются все аксиомы, сформулированные для евклидовых прямых. Таким образом, полуокружности в евклидовой геометрии есть прямые в геометрии Лобачевского!

Сложившийся наглядный образ прямой линии этого не допускает, как и существование двух прямых, проходящих через одну точку и параллельных третьей.

Ситуации, подобные этой, я называю неявными блокировками. Неявными, потому что никто специально не формирует неправильный интуитивный образ. Обычно он является результатом привыкания, а затем и абсолютизации определённого вида рисунков.

Изучение геометрии Лобачевского позволяет разблокировать интуицию!

В-четвёртых, геометрия Лобачевского развивает аксиоматическое мышление у школьников. Фактически, Лобачевский является создателем аксиоматического метода, оторванного от наглядности. Таким образом, изучение геометрии Лобачевского даёт уникальную возможность понять, что аксиомы играют роль определений.

Например, пары чисел в системе координат на плоскости можно называть точками, а линейные уравнения — прямыми, поскольку они удовлетворяют всем аксиомам для точек и прямых.

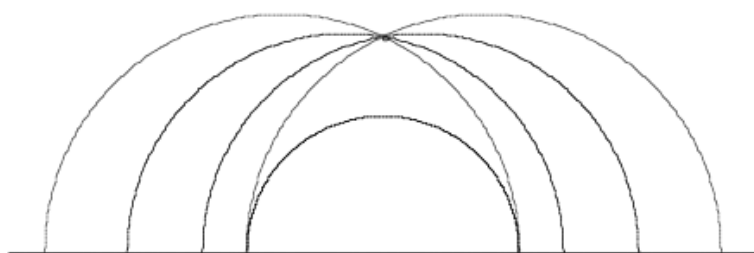
В-пятых, геометрия Лобачевского является неиссякаемым источником задач для исследовательских работ школьников, поскольку здесь ещё не получены ответы даже на многие фундаментальные вопросы.

И последнее, о чём я хочу сказать. Изучение геометрии Лобачевского приучает структурировать материал.

Обычно, геометрия в школе представляет собой хаотичную россыпь задач. В старших классах мы учим детей решать вычурные, никому не нужные и при этом очень сложные задачи. Причина этого понятна, — таков социальный заказ — научить решать конкурсные или олимпиадные задачи. И всё! Поэтому в курсах геометрии, как правило, отсутствуют мотивировки основных понятий и целей изучения геометрии. Школьники даже не думают об этом, не задают подобных вопросов, поскольку так сформирован их познавательный навык.

Изучая геометрию Лобачевского, школьники учатся искусству задавать вопросы, учатся математическому мышлению, учатся правильно выстраивать картину мира. ■

Константин Владимирович Козеренко,
учитель математики

Пища для ума

«Чтение — пища для ума», — кто будет спорить с такой простой мыслью? Английский математик Льюис Кэрролл указал* на очевидные следствия этого утверждения. Книги, которые мы представляем в «Обзрении» (как заведено, отрывками оригинальных текстов), вполне удовлетворяют основным требованиям к «вкусной и здоровой пище».

Во-первых, они съедобны — приготовлены профессионалами своего дела из высококачественных ингредиентов. Что немаловажно, ведь «мы... легко отказываемся от куска соблазнительного пудинга или пирога, который связан с ужасным приступом желудка, ...[но] вновь и вновь употребляем в пищу заведомо не пригодный для этого роман, за чем непременно следует обычная полоса дурных настроений, нежелания работать и безразличия». Во-вторых, всё здесь без труда можно употреблять в умеренных количествах («хлеб — вкусная и здоровая пища, но кому придёт в голову съесть за один присест два или три каравай?») — каждая книга состоит из большого числа вполне самостоятельных частей. В то же время (в-третьих!) это вполне определенный вид пищи, и сочетание текстов внутри каждого тома не вызовет несварения (ума)! («Дайте жаждущему кварту пива, или кварту сидра, или даже кварту горячего чая, и он, вероятнее всего, возблагодарит вас (хотя в последнем случае его благодарность будет звучать не столь горячо, как в предыдущих!) Но каковы будут его чувства, если вы предложите ему поднос, на котором будут кружечка пива, кружечка сидра, кружечка холодного чая, кружечка горячего чая, кружечка кофе, какао и соответствующие сосуды с молоком, водой, разбавленным бренди и сыворожкой, полученной при взбивании масла?»)

«Я не могу читать таких глупых книг! Нет ли у вас второго тома „Загадочного убийства“?» — самый маловероятный финал истории, что начнётся, когда вы откроете любую из ЭТИХ книг.

* Льюис Кэрролл «Пища для ума» (пер. Ю.Данилова) // Природа, май 1975, с.125–128

Паннекук А.

История астрономии

Пер. с англ. Изд. 2 URSS, 2010

...Урбен Жан Леверье (1811–1877) прославился главным образом своим теоретическим открытием ещё не известной в то время планеты Нептун при помощи одного только вычисления возмущений, которые она вносила своим притяжением в движение Урана. То, что особенности движения Урана нельзя объяснить притяжением известных планет, впервые заметил ещё Алексис Бувар, сын крестьянина из Альп. Он пришёл в Париж совершенствоваться в науке и благодаря своему таланту вычислителя стал незаменимым помощником Лапласа. Он вычислил таблицы для больших планет, но его таблицы для Урана, основанные на 40-летних систематических наблюдениях, не могли представить прежние случайные наблюдения этой планеты. Когда после опубликования его таблиц в 1821 г. отклонения в движении Урана возросли ещё больше, это убеждение постепенно стало всеобщим среди астрономов. В конце тридцатых годов Бессель поручил одному из своих учеников, Ф.В. Флемингу, важную работу: попытаться вычислить возмуще-

ния, вносимые неизвестной планетой. Однако Флеминг умер, едва успев за неё приняться. В 1842–1843 гг. за решение этой проблемы взялся Дж.К. Адамс (1819–1892), талантливый студент-математик из Кембриджа. В сентябре 1845 г. он сообщил результаты своих вычислений орбиты планеты-«виновницы» и её положения на небе астрономам Эри (Гринвич) и Челлису (Кембридж). Однако из-за скромности самого Адамса и недоверия к его результатам обоих астрономов они не пытались искать планеты, а вычисления Адамса не были даже опубликованы. Между тем Леверье, подгоняемый Араго, также принялся за эту работу. Сначала он основательно пересмотрел теорию движения Урана и построил её заново. Она была опубликована в ноябре 1845 г. В июне 1846 г. Леверье опубликовал результат вычисления орбиты возмущающей планеты и приблизительного её положения на небе. Когда Эри и Челлис увидели его результат, хорошо совпадающий с вычислениями Адамса, Челлис начал искать предсказанную планету в июле и августе, регистрируя все звёзды вблизи указанного места, для того чтобы убедиться, не изменяет ли одна из них своё положение. Затем, занятый другой работой, он не провел обработку и сравнение своих наблюдений, иначе он определённо открыл бы планету, потому что она была среди сфотографированных звёзд.

Леверье, обеспокоенный тем, что наблюдатели не обратят внимания на его результаты, в письме к Галле (астроному Берлинской обсерватории) попросил его исследовать большим рефрактором звёзды вблизи указанного места, чтобы посмотреть, не обнаружится ли у одной из них диск. Незадолго до этого Берлинская обсерватория получила карту неба этого района, присланную Берлинской академией наук. Получив письмо Леверье 23 сентября, Галле сразу же сравнил эту карту с небом, и планета была немедленно обнаружена как неизвестное светило восьмой величины, не нанесённое на карту. Она получила название Нептун.

[Весь этот ход событий, естественно, повлёк за собой весьма неприятную борьбу, и не между самими Адамсом и Леверье, которые стали друзьями на всю жизнь, а между их национальными «болельщиками». Всё же представляется, что открытие Нептуна путём теоретического вычисления явилось результатом не исключительно личной гениальности, а вытекало из достигнутого наукой высокого уровня развития.] Это открытие произвело глубокое впечатление на мир естествоиспытателей и не меньшее — на массу образованных людей. Из всех стран на Леверье хлынул поток почестей, и открытие за письменным столом неизвестного небесного тела, которое никогда и никто не видел, надолго стало предметом всех разговоров. Это было время, когда естествознание стало занимать всё более господствующее положение в мировоззрении и в ходе длительной борьбы с традиционными библейскими представлениями все более вытесняло их.

Зорич В. А.

Математический анализ задач естествознания

МЦНМО, 2008

...Почти весь объём многомерного тела сосредоточен у его границы. Например, если с 1000-мерного арбуза радиуса один метр снять

корку толщиной один сантиметр, то останется меньше тысячной доли всего арбуза.

Это явление локализации или концентрации меры имеет многочисленные порой неожиданные проявления.

Например, любая более или менее регулярная функция на многомерной сфере почти постоянна в том смысле, что если взять случайно и независимо пару точек сферы и подсчитать значения функции в этих точках, то они с большой вероятностью окажутся почти совпадающими.

С точки зрения математика, привыкшего к функциям одного, двух и нескольких (не очень многих) переменных, это может показаться неправдоподобным. Но именно это обеспечивает стабильность основных пара-

метров среды нашего обитания (температуры, давления...), лежит в основе статистической физики, изучается в теории вероятностей под названием законов больших чисел и имеет много применений (например, при передаче информации по каналу связи при наличии помех).

Явление концентрации меры в некотором отношении поясняет как статистическую устойчивость значений термодинамических величин, породившую эргодическую гипотезу Больцмана, так и замечательные эргодические теоремы, возникшие в её обоснование.

Принцип концентрации изложен в главе II, которую можно читать независимо от главы I, где приведены примеры областей знаний, в которых функции очень многих переменных появляются естественным образом.

В главе I (которую, разумеется, тоже можно читать независимо) мы подробнее остановимся на одном менее популярном примере — передаче информации по каналу связи. Выведем и обсудим теорему отсчётов — формулу Котельникова — основу современной цифровой записи сигнала. В главе III мы дополним эти рассуждения теоремой Шеннона о скорости передачи информации по каналу связи при наличии помех.

В. И. Арнольд

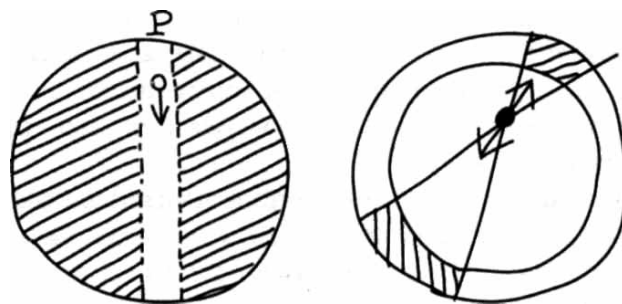
Математическое понимание природы. Очерки удивительных физических явлений и их понимания математиками (с рисунками автора)

МЦНМО, 2009

Путешествие к центру Земли

Камень падает (без начальной скорости) в шахту, диаметрально просверливающую всю сферическую планету.

Исследовать его движение под действием гравитационного поля (считая планету однородной, имеющей постоянную плотность).

Решение. Согласно теореме Ньютона, уже пройденные (однородные) сферические слои камень не притягивают, а ещё не пройденные притягивают так, как если бы их масса была в центре планеты.

Обозначим расстояние от камня до центра планеты через r . Тогда объём (а значит, и масса M) оставшихся непройденными слоёв будет пропорционален r^3 . По закону всемирного тяготения сила притяжения такой массой, находящейся в центре планеты, убывает как $M/r^2 = r$.

Значит, камень в такой шахте движется в соответствии с силовым полем закона Гука:

$$r'' = -\omega^2 r, r = R \cos(\omega t).$$

Здесь амплитуда R есть радиус планеты.

Итак, камень совершает вокруг центра планеты гармонические колебания. Он вернётся в исходную точку R через период $T = 2\pi/\omega$ (побывав в середине этого периода у антиподов).

Чтобы избежать длинных вычислений коэффициента ω^2 в уравнении поля Гука, рассмотрим близкий спутник, вращающийся вокруг планеты по проходящей через R окружности большого круга. Ортогональная проекция этого спутника на диаметр шахты совершает при его движении гармонические колебания с амплитудой R . В точке R гравитационное поле, действующее на этот камень и на спутник, одинаково (так как камень не прошёл ещё ни одного сферического слоя).

Поэтому период T колебаний камня в шахте равен периоду прохождения близким спутником всей своей круговой орбиты (для планеты Земля это примерно полтора часа).

Эти законы Ньютона объясняют удивительный состав колец Сатурна: глыбы льда, из которых они состоят, имеют в среднем размер от 10 до 20 метров. Случайно движущиеся по (не совсем круговым) кеплеровским орбитам глыбы, естественно, могут столкнуться, и средняя скорость удара вычисляется, исходя из среднего размера глыб: она зависит от разности скоростей движения по близким кеплеровым орбитам.

Осколки от соударения имеют тем большую скорость, чем больше скорость удара. Вычисления показывают, что для больших 20 м глыб эта скорость осколков больше (второй) космической скорости (ухода осколков далеко от родившей их глыбы), так что такая глыба от столкновений будет уменьшаться.

Если же глыба имеет размер меньше 10 метров, то осколки вылетают с меньшими скоростями, и они возвращаются обратно — хотя бы одна из столкнувшихся двух глыб растёт.

Эта-то динамика и приводит к установлению населённости кольца и не слишком большими, и не слишком малыми глыбами (которая и обнаружена была, после описанных выше вычислений, при полёте Вояджера). ■

Материал подготовлен

*Андреем Владимировичем Кондратьевым,
учителем физики*

ВТОРОШКОЛЬНЫЕ НОВОСТИ

01.03.2010

Из Управления образования Юго-Западного округа в Лицей были доставлены грамоты, заработанные нашими лицеистами осенью на окружном туре Всероссийской олимпиады по различным предметам (математика, физика, информатика, химия, история, английский язык, обществознание, биология, география). Грамот оказалось 259!

01.03.2010

Выпускник нашей школы (выпуск 1964 г.) Владимир Орлов приглашает всех второшкольников на открытие своей выставки «Архидивы». Мероприятие состоится 2 марта в 18 часов в Большом фойе Центрального дома архитектора (Гранатный пер., 7). Будет интересно и вкусно :-). В последующие дни выставка будет работать в обычном режиме. Приходите!

08.03.2010

Дорогие наши прекрасные дамы: учителя и ученицы, мамы и бабушки! Поздравляем всех вас с праздником! Желаем весны в душе и на улице, гармонии с миром, здоровья и понимания близких. Вы любимы!

10.03.2010

Опубликован список приглашённых на IV (заключительный) этап Всероссийской олимпиады школьников 2009/10 учебного года по результатам городских олимпиад (III этап), проводимых в городе Москве.

Наши лицеисты вошли в сборные команды г. Москвы по:

- астрономии (Осипова Александра — 10 кл.);
- географии (Голубенко Дмитрий, Афанасьев Илья, Вилкул Данила — 10 кл.);
- математике (Максаев Артём, Скутин Александр — 9 кл.; Бурова Ольга — 10 кл.; Калининченко

Иван, Козачинский Александр, Медведь Никита, Свешников Михаил, Степанова Анна — 11 кл.);

— физике (Васильева Александра, Евсеев Олег — 9 кл.; Арсеев Сергей, Козлов Иван, Петров Матвей, Тимохин Иван, Янушковский Владимир — 10 кл.; Захваткин Марк, Усов Роман — 11 кл.);

— информатике (Лузин Игорь — 9 кл.; Козачинский Александр — 11 кл.);

— экономике (Васильев Александр — 11 кл.).

Так держать (а мы будем «держат за вас пальцы в чернилах» :-)! !

12.03.2010

Несколько недель назад стало известно, что учитель физики нашего Лицея А.А. Белов стал победителем муниципального тура Всероссийского конкурса «Учитель года». По личной просьбе победителя редакция сайта не предавала гласности эту информацию. Но поскольку награждение уже состоялось, о чём сообщила газета «За Калужской Заставой», мы поставлены в ситуацию «не могу молчать». Приносим Алексею Андреевичу свои извинения за разглашение «новости» :) и — ПОЗДРАВЛЯЕМ!

14.03.2010

На сайте появились фотографии сотрудников Лицея, выполненные фотографом Верой Булатовой. К Вере можно обратиться и для съёмки лицеистов. У каждого из наших сотрудников в портфолио теперь десяток художественных фотографий, которые можно использовать для составления выпускных альбомов. Редактор сайта имеет образцы фотографий всех сотрудников, а каждый преподаватель — свои фото. Обращайтесь!

18.03.2010

Сегодня в Кремле состоялась встреча Президента РФ Д.А. Медведева с победителями школьных и студенческих олимпиад, в числе которых были двое второшкольников (Мария Илюхина и Андрей Власов). Также на встречу был приглашён директор нашего Лицея Народный Учитель РФ В.Ф.Овчинников. Будем ждать рассказ участников события. Следите за объявлениями!

22.03.2010

Владимир Мазин (выпуск 1977 г.) передал в дар «Второй школе» несколько больших коробок с книгами из библиотеки своей мамы, Валентины Константиновны Мазиной, школьного учителя русского языка и литературы, директора школы в течение многих лет. Теперь предстоит разобрать это богатство. Большое спасибо всей семье Мазиных!

23.03.2010

Екатерина Свихнушина (9 «Б») одержала победу и получила диплом лауреата XII Московской городской

научно-практической конференции старшеклассников на иностранных языках «Лингва-2010» за лучший исследовательский проект на английском языке в секции «Искусство». Молодец, Катя! Поздравляем!

24.03.2010

Дорогие второшкольники! Может быть, у кого-то из вас дома стоит неиспользуемый, но исправный проигрыватель? Очень нужен в 40 кабинет для уроков литературы Галине Сергеевне Тарицыной и всему объединению словесности. Есть много прекрасных литературных записей на пластинках, которые хотелось бы дать послушать нынешним лицеистам, а проигрыватели нынче — раритет. У вас есть возможность сделать отличный подарок школе, будем очень признательны!

27.03.2010

Сегодня в школе состоялся Вечер встречи выпускников. Повидалась все, кто хотел это сделать в стенах родной школы. Спасибо всем за улыбки, цветы, добрые слова и добрые мысли. Приходите ещё!

27.03.2010

На Вечере встречи выпускников Владимир Федорович обнародовал только что полученную информацию: Алексей Андреевич Белов победил в номинации «Вдохновение и артистизм» на городском туре конкурса «Учитель года 2010» и вошёл в число 5 лауреатов. Поздравляем! Абсолютный победитель городского тура будет объявлен 26 апреля.

29.03.2010

На прошедшем 27 марта вечере встречи выпускников для Виталия Неёлова было собрано 16 тыс. рублей. Ещё 7 тыс. было передано с той же целью в предшествующие дни в канцелярию Ирине Наумовне. В настоящее время Виталий снова находится в реабилитационном центре. Его мама Юлия Витальевна просила передать большое спасибо, спросила, всё ли сегодня благополучно с нашими детками в школе и сказала всем нам: «Берегите себя!»

31.03.2010

Сегодня, когда в Москве хоронят жертв теракта в метро, мы скорбим вместе с их близкими.

01.04.2010

Под эгидой Департамента образования г. Москвы и журнала «Лицейское и гимназическое образование» прошёл IX Всероссийский конкурс школьных изданий. Диплом победителя «Открытие сезона» получил журнал «Голос» Лицея «Вторая школа». Поздравляем И.В. Селиванову и всю дружную команду издания с признанием заслуг! Так держать! ■

*Екатерина Тимофеевна Ворopaева,
редактор сайта www.sch2.ru*

ВСТРЕЧА D.A. MEDVEDEVA

с победителями школьных и студенческих олимпиад

Дмитрий Медведев встретился в Кремле с победителями международных олимпиад школьников и студентов, а также студентами вузов — президентскими стипендиатами.

Д.А. Медведев: Добрый день!

Несколько слов, если не возражаете, скажу вначале. Встреча у нас была запланирована давно, я всех очень рад видеть.

Мы встретились в таком составе, для того чтобы поговорить и об олимпиадах, и о том, что эти олимпиады способны привнести в вашу жизнь и в жизнь нашей страны, насколько они отражаются на будущей карьере любого человека, насколько они могут быть конвертированы в наши общие совместные успехи.

Я не буду долго выступать вначале. Скажу лишь, что мне приятно с вами встретиться. И действительно, за последние годы олимпиады стали одним из значимых событий, в которых наши участники получают значительное число призов, побеждают в командном зачёте.

Я посмотрел: за последние пять лет российские школьники завоевали по математике 30 медалей, по естественнонаучной проблематике — тоже 30, по астрономии — 28, по физике — 22, по химии — 20, по информатике — тоже 20 и по биологии — 16. Хорошие результаты, и, конечно, понятно, что с каждым годом уровень этих олимпиад не становится слабее.

Не только спортивные олимпиады становятся сложнее, но и научные олимпиады, естественно, становятся гораздо сложнее. И поэтому то, что мы на таком уровне находимся, конечно, очень здорово.

Тем не менее не так часто международные олимпиады проходят в нашей стране. Они, по-моему, были всего лишь три раза. Может быть, нам есть смысл активизировать нашу работу по этому направлению и предложить самим себя как-то более активно, с тем чтобы международные олимпиады прошли на территории нашей страны.

Здесь также присутствуют те, кто получает так называемую президентскую стипендию. Думаю, что можем поговорить и о той системе стимулирования, которая существует. Понятно, не бывает идеальных схем, никогда не бывает избыточных выплат, но тем не менее кое-что за последнее время мы сделали.

Работают и специальные системы поощрения, работают и специальный Координационный совет по экспер-

тизе работ на соискание премий Президента Российской Федерации. Мне бы хотелось, чтобы мы, может быть, и эту тему обсудили.

Есть также ещё один вопрос — это так называемая инициатива «Наша новая школа», которую я подписал в начале текущего года. Она носит, конечно, общий характер, но в то же время всё-таки задаёт вектор развития нашей системы школьного образования.

Не знаю, читал ли кто-то эту инициативу, но если всё-таки кто-то умудрился её прочитать, то мне было бы интересно понять, как для вас как для школьников и для тех, кто ещё совсем недавно учился в школе, выглядят элементы этой инициативы, насколько вам они кажутся разумными и актуальными.

И конечно, мы заинтересованы сейчас в том, чтобы самым быстрым порядком заниматься созданием новых современных технологий, внедрением этих технологий в нашу жизнь. Вы знаете, что курс на модернизацию экономики и на создание современных технологий, их использования в нашей экономике стал одним из ключевых направлений развития нашего государства, я об этом сказал в прошлом году.

«Мне хотелось бы, чтобы вы действительно не потерялись в университетской жизни, а чтобы вы свои успехи школьные, а теперь и студенческие конвертировали в свои успехи в будущей жизни».

В этом году у нас уже кое-что сделано. Помимо собственно административных процедур, которые всегда проще запустить, есть всё-таки и вполне конкретные решения, и деньги выделяются. Не так давно мы обсуждали вопрос о строительстве ультрасовременного научно-технического центра (или такого города) по разработке и коммерциализации современных технологий — фактически нового города, где на базе этого центра будут развиваться все пять президентских высокотехнологичных направлений, направлений модернизации: это прежде всего энергетика, ИТ, телекоммуникации, биомедицинские технологии и ядерные технологии. Но это, конечно, не значит, что другие там не могут появиться.

Неделю назад я собирал своих товарищей по Правительству, с ними обсуждал место, где можно было бы построить такого рода город или центр. Хотел бы вас проинформировать, а заодно и присутствующих здесь представителей Правительства и средств массовой информации о том, что я принял решение — будем строить этот

центр в том месте, где у нас уже есть неплохой задел для того, чтобы это сделать быстро. Скорость имеет особое значение, поэтому будем строить его в Сколково.

Этот город будет построен прежде всего для вас, для будущих лучших учёных, инженеров, иных специалистов, которые будут трудиться в нём уже через несколько лет, я надеюсь. Всех приглашаю поучаствовать в этой работе.

Это всё для начала. Готов теперь послушать вас. Сами поднимайте руки, тут без всякой бюрократии. Пожалуйста, ребята.

А. Власов: Меня зовут Власов Андрей. Я победитель международной олимпиады по астрономии. В данный момент я преподаю астрономию в лицее «Вторая школа». Являюсь студентом 5-го курса Московского физико-технического института и веду свою научную деятельность в Институте теоретической экспериментальной физики.

Лицей, в котором я работаю, имеет очень давние традиции преподавания физики и математики, естественно-научных дисциплин. Среди выпускников нашего лицея имеются такие знаменитые учёные и общественные деятели, как Хохлов Алексей Рёмович, Лебедев Владимир Валентинович, Бунимович Евгений Абрамович и так далее. Но тем не менее иногда всё-таки ученики и одарённые дети сталкиваются с некоторыми проблемами. Например, за последние пару лет произошло сокращение квот на число участников заключительного этапа Всероссийской олимпиады. Мне кажется, что как раз наоборот квоты для числа участников нужно не сокращать, а увеличивать — для увеличения количества инновационных кадров.

Д.А. Медведев: А насколько уменьшились эти квоты?

А. Власов: В результате стало такое правило, по крайней мере в прошлом году, что из одной параллели по одному предмету едет один человек, плюс те, кто с прошлых лет. Но раньше это были два или три человека.

Д.А. Медведев: Общее количество в несколько раз уменьшилось.

А. Власов: Раза в полтора-два где-то.

Д.А. Медведев: Сейчас послушаем, почему это произошло, может быть, Министр нам расскажет: может, кризис, а может, ещё что-то. Пожалуйста, продолжайте.

А. Власов: Кроме этого, мне кажется очень правильной политика, проводимая, в частности, в нашей школе, — привлечение к работе со школьниками людей, которые именно «варятся» в науке, которые увлечены этим, у которых горят глаза, которые могут увлечь школьников. Например, известно, что у нас в школе работал такой великий математик Израиль Моисеевич Гельфанд. Нужно привлекать не только учёных с мировым именем, но и людей, которые только начинают свой путь в науке, например студентов, таких как выпускники моего года, одноклассники мои и так далее.

Потихонечку тема перетекла к учёным. Я начинаю свой путь в науке, у меня есть две публикации в реферируемых журналах. И я хочу сказать ещё несколько слов про учёных. Мне очень приятно заниматься научной деятельностью в России, потому что, несмотря на все перипетии, в России осталась очень сильная и богатая школа учёных с хорошими традициями. Тем не менее учёные иногда сталкиваются с некоторыми проблемами. Одна из основных проблем, которая стоит перед молодыми учёными, — это проблема отсутствия жилья, потому что на зарплату молодого ученого очень сложно как купить квартиру, так и снимать квартиру. Поэтому, собственно, очень хорошей мерой по предотвращению утечки мозгов было бы либо выделение квартир тем, кто сделал открытия какие-то, либо платить такую зарплату, чтобы люди могли снимать квартиру. Это первое.

Д.А. Медведев: А что лучше, на Ваш взгляд: выделение квартир или деньги платить, на которые можно купить квартиру? Это разница довольно существенная. На Ваш взгляд, как лучше?

А. Власов: Выделение квартир. Это, мне кажется, более прозрачная схема.

Д.А. Медведев: Понятно. Ну ладно, хорошо.

А. Власов: Но, если хотите, можно и деньгами.

Д.А. Медведев: Молодец!

А. Власов: Второй вопрос по науке, который я хотел бы поднять, — это соотношение фундаментальных и прикладных наук. Можно я начну с примера? Например, общая теория относительности Эйнштейна очень много лет слыла просто наукой, которая ни к чему неприменима.

Д.А. Медведев: Да, известно.

А. Власов: Но тем не менее сейчас без неё невозможно создание ГЛОНАСС, потому что ГЛОНАСС не может работать без эффектов общей теории относительности. Поэтому моя мысль заключается в том, что нужно уделять внимание не только тем наукам, которые имеют приложение здесь и сейчас, но и наукам фундаментальным, которые познают наш мир и которые, скорее всего, всё-таки будут иметь приложение в ближайшем будущем (или не в ближайшем). И если мы занима-

емся фундаментальной наукой сейчас, то мы завтра, когда эти науки обретут применение, будем в выигрыше.

И последний вопрос, который я хотел бы осветить, — это вопрос, собственно о том же самом, о зарплате учёных. Мой папа работает в Институте общей физики Академии наук, он доктор физико-математических наук, получает в качестве оклада 23 тысячи рублей, что сравнимо с зарплатой грузчика средней квалификации. И когда молодые люди выбирают свой дальнейший путь, то у них возникают разные мысли — кем мне лучше стать: доктором физико-математических наук или выбрать какую-нибудь другую профессию? Поэтому такое пожелание, чтобы, может быть, предотвратить утечку мозгов не только в другие страны, но и в другие профессии. Может быть, зарплату сделать чуть-чуть побольше.

Д.А. Медведев: Спасибо, Андрей.

У Вас такое живое выступление получилось, поэтому мне трудно на него сразу не отреагировать.

По поводу жилья. Здесь невозможно с Вами спорить: жильё действительно является главной ценностью для большинства наших людей и для молодых учёных в том числе. Вопрос в том, как решать эту проблему. Я недавно, кстати, встречался с нашей Академией наук, мы целую программу решили «заварить» с ними по этому поводу. Надеюсь, что в ближайшее время, напоминая, кстати, мне будут представлены предложения, потому что у нас не так много молодых учёных, как, может быть, иногда кажется, и эта задача решаемая. Как решать? Помимо такого рода программ, как программа Академии наук (но она, естественно, относится только к академическим учёным, к тем, кто трудится в системе Академии наук Российской Федерации), самым простым вариантом, на мой взгляд, всё-таки является развитие правильных программ, которые позволяли бы молодым учёным приобретать это жильё за деньги. Вы сказали, что выделять прямо — это проще и прозрачнее. Я боюсь, что будет как раз ровно наоборот. Лучше деньги платить достойные (с тем чтобы сам человек для себя принимал решение, брал бы ипотеку, имел бы возможность платить процентную ставку, расплачиваться, в конечном счёте закрывать), нежели — я знаю даже по прежней жизни — как только появляется льготное жильё, появляется огромное количество людей, желающих присосаться к этой теме. В результате либо эти квартиры получают учёные, но которые уже имеют 20–30 лет стажа академического, и молодых учёных просто ототрут, либо вообще получают какие-нибудь жулики. Поэтому мы всё-таки пойдём другим путём, как говорил один из классиков марксизма-ленинизма.

Теперь в отношении фундаментальной науки, здесь Вы правы. Мы неоднократно обсуждали этот вопрос и с нашими руководителями Академии наук, с учёными — необходимо поддерживать не только прикладную науку, которая, собственно, скорее всего, если создать нормальные условия, и сама себя поддержит. Недаром мы города

новые создаём, технопарки открываем, там ведь и есть, по сути, прикладная наука. И, если создать нормальные условия коммерциализации, деньги можно заработать, а вот фундаментальную науку никак невозможно поддерживать кроме прямых государственных — именно государственных — инвестиций. Очень трудно бизнес заставить поддерживать фундаментальную науку. Есть, конечно, отдельные «чудики», которые это делают, но их не много, поэтому эта задача государства, и здесь государство с себя эту задачу снимать не имеет права.

Ну и по поводу заработной платы. Вы про папу сказали, у которого зарплата, как у грузчика. Знаете, всё относительно. Я начал вспоминать зарплату, которая была у моего отца, он тоже наукой занимался, и зарплату грузчика, допустим, в 70-е годы, когда я был совсем молодой, или в 80-е. И хотя он был тоже неплохой учёный, на мой взгляд, у него зарплата была, наверное, меньше, чем у грузчика по тем временам. Это не значит, что мы не должны повышать заработную плату. Но дело в том, что, мне кажется, это не очень правильная планка отсчёта. Потому что, если человек хочет заработать деньги, давайте по-честному друг другу скажем, он вряд ли когда-то пойдёт в науку. Деньги проще заработать в другом месте, и более серьёзные деньги. Это очевидно. Становись бизнесменом — в любом случае денег будет больше, чем даже у хорошего, продвинутого специалиста. И в науку, и в педагогику идут люди по призванию. Поэтому, мне кажется, здесь не должно быть таких критериев отсчёта, но это не значит, что государство не должно следить за зарплатой. Это, конечно, очевидно. И эта зарплата должна быть конкурентоспособной применительно к сложившейся системе выплат в стране. Так, наверное.

А. Власов: Можно ответить?

Д.А. Медведев: Не надо уже. Я Вам ответил. Потом, если потребуется, я ещё Вам дам слово, ладно?

По материалам сайта
<http://news.kremlin.ru/news/7139>

СУБКУЛЬТУРА АНИМЕ

В мире живут различные виды животных, которые имеют собственные внешние особенности. Также и люди бывают разных рас и имеют характерно выраженные внешние различия. И ни у одного из людей нет такого же внутреннего мира, как у другого. При этом вне зависимости от внешности люди делятся на группы по интересам и мировоззрению. Поэтому, даже если они говорят на разных языках, среди толпы неизвестных им людей они найдут своих по сленгу и атрибутике. Некоторые из таких групп называются субкультурами.

Так что же такое субкультура?

Субкультура — система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества. Субкультура (подкультура) — понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре. Каждый человек принадлежит к какой-то субкультуре, хотя субкультуры большинства людей не имеют ни самоназвания, ни системы символов, обозначающих их границы. Самоидентификация и символика проявляются лишь вместе с необходимостью быстро и эффективно отличить своих от чужих.

В мире множество различных субкультур, участники которых могут находиться на совершенно разных континентах. Примерами таких субкультур являются: альтернативщики, анархо-панки, кибер-готы, эмо, фурри, готы, хиппи, панки, анимешники.

Анимешники

Давайте поговорим о достаточно популярной в наше время субкультуре анимешников.

Анимешник — поклонник аниме-жанра, отаку.

Аниме — японская анимация, хотя иногда словом «аниме» могут обозначаться и иные анимационные фильмы, близкие к стилистике японской анимации. Термин происходит от сокращенного японского произношения английского слова «animation». В отличие от анимации других стран, предназначенной в основном для просмотра детьми, большая часть японского аниме рассчитана на подростковую и взрослую аудиторию, и во многом за счёт этого имеет высокую популярность в мире.

Сленг

Как и другие субкультуры, анимешники имеют собственный сленг, в который входят такие слова как:

- Отаку (otaku) — фанат аниме и манги, анимешник. Стоит иметь в виду, что, как правило, в российском аниме-сленге слово «отаку» обозначает более преданных и фанатичных поклонников японской анимации, нежели слово «анимешник». Данное слово было заимствовано из японского языка, имеет такое же значение, как и на родине.

- Косплэй (cosplay, costume playing) — переодевание в (как правило, самодельные) костюмы персонажей из аниме, манги или видеоигр. В переводе на русский означает «игра костюмами».

«Косплэйером» (реже — «косплейщиком») называют люди, увлекающиеся косплеем.

- Кавай (kawaii) — термин, обозначающий всё милое и прелестное. Зачастую на речи адаптируется в прилагательное, принимая формы «кавайный», «кавайная» и т.п. Кроме того на российских аниме-форумах «кавай» нередко используется в качестве наименования разновидности аниме, делающего особый акцент на милотских персонажах.

- Манга (manga) — японские комиксы. Как правило, отличительной чертой манги является чёрно-белая рисовка и то, что её принято читать справа налево.

- Нэко — «кошка» по-японски. Слово имеет разное значение в разных странах. В Японии нэко — оборотень, девушка-кошка, прямоходящее существо с кошачьими ушами, хвостом и (иногда) шерстью. Нэки считаются добрыми созданиями, но из-за своей кошачьей гибкости и скорости они зачастую могут быть опасными.

- Ня (nya) — японский аналог «мяу»; слово, которым персонажи чаще всего оканчивают все фразы. «Ня-кать», соответственно, означает добавлять слово «ня» ко всем фразам. Стоит отметить, что в последнее время «няканье» стало довольно популярным в сетевых аниме-сообществах, многие отаку на интернет-форумах прилепляют «ня» к каждой фразе по поводу и без такового.

• **Опенинг, ОП (Opening, OP)** — анимационная заставка с начальными титрами в ТВ-сериалах, как правило, показываемая в самом начале каждой серии и сопровождаемая заглавной песней (впрочем, «ОП» может иногда употребляться и для обозначения самой песни). Средняя продолжительность ОПа — 1 мин 30 секунд в ТВ-сериалах; 45 секунд в мини-сериалах. Заимствовано из английского.

• **Эндинг (ending, ED)** — анимационная заставка с конечными титрами в ТВ-сериалах, как правило, показываемая в конце каждой серии и сопровождаемая конечной песней (хотя после эндинга может идти анонс следующего эпизода). Обычно эндинги длятся минуты полторы. Тоже заимствованно из английского.

• **Сугой (sugoi)** — «классно», «круто». В российских аниме-сообществах, чтобы выразить восторг от того или иного предмета, часто употребляются такие производные от данного слова, как, например, «сугойная» или «сугойненький».

• **Чиби (chibi)** — разновидность дизайна персонажа аниме или манги, близкая к деформации, когда персонаж рисуется в «детских» пропорциях. Обычно «чиби»-персонажи (или «чибики») считаются довольно милыми и забавными.

Как можно заметить, все слова заимствованы из иностранных языков (японского и английского) и широко используются по всему миру. Более популярны такие слова, как «кавай», «ня», «сугой», «нэко». А слова «опенинг» и «эндинг» чаще всего используют в краткой форме — «ОП» и «ЕД» или «енд».

Анимешная атрибутика

Достаточно часто можно увидеть, как один человек догоняет другого с криком «Ня!». Как же анимешники отличают друг дружку среди толпы незнакомых людей? И по какой независимой атрибутике мы сами можем их выделить из толпы?

Всё просто — по анимешной атрибутике:

- **Ушки** — часть костюма нэки, по легенде девственность нэки определяется по ушкам.
- **Ошейник** — также часть костюма нэки.
- **Лапки** — часть костюма нэки, иногда одевается просто как перчатки.
- **Хвостик** — тоже костюм нэки.
- **Значки** — значки с персонажами какого-либо аниме, висящие на ремнях сумок.
- **Косплэй** — костюмы каких-либо персонажей аниме или манги.

В ближайшее время может произойти как прогресс в данной субкультуре, как и наоборот. Её могут просто забыть, и уже через 40–50 лет только единицы детей будут знать, что такое аниме. ■

Мария Церетели, 8 класс «Г»

Копенгаген

Идея пьесы «Копенгаген» возникла из моего интереса к философии. Когда я читал замечательную книгу Томаса Пауэра «Война Гейзенберга», я столкнулся с сюжетом о встрече Гейзенберга и Бора в 1941 г. Чем больше я думал об этой истории, тем больше я понимал, что она напрямую связана с теми проблемами, с которыми я сталкивался, занимаясь философией, на протяжении долгого времени. Откуда нам знать, почему люди делают то, что они делают, и даже как может один человек знать, что и почему он делает. Это фундаментальный вопрос... сердце пьесы.

Майкл Фрейн

Давно окончилась, отшумела и отгремела Вторая мировая война. Давно уже нет в живых ни Нильса Бора, ни его жены Маргарет, ни Вернера Гейзенберга. И именно теперь они вновь встречаются в отчаянной попытке ответить на многие вопросы, на которые, пожалуй, нельзя дать однозначные ответы: зачем в 1941 году Гейзенберг приехал к Бору в Копенгаген? какие слова прозвучали в их коротком разговоре, который так и остался для нас тайной? что спросил Гейзенберг? что ответил Бор? что случилось бы, если бы он сказал хоть слово иначе? виноват был Гейзенберг или нет, когда взял в свои руки контроль над немецкой ядерной программой, и не он ли специально провалил её? виноват ли был Бор, принимая участие в Манхэттенском проекте? и — главное — как так случилось, что мы все всё ещё живы?

На сцене МХТ имени Чехова разворачивается действие пьесы Майкла Фрейна «Копенгаген». И, хотя персонажи разговаривают в мире мёртвых, сцена — ни рай, ни ад. В глубине зала видны ничем не прикрытые ободранные стены; с потолка ровными рядами свисают электронные табло — они представляют то стул, то стол, то сад; по ним бегут фразы — то эхо слов учёных или Маргарет, то вдруг свои, несказанные. Музыка так же аскетична — даже пение птиц надписью проскользнуло по табло. Всё внимание сконцентрировано на актёрах.

Слова их чаще всего неоднозначны, противоречивы: учёные непрестанно спорят о ядерном вопросе, о науке, о нравственных проблемах и о самой жизни. Гейзенберг (Борис Плотников) ходит по тёмной сцене, то тут, то там выныривая на яркий свет прожекторов, — объясняет принцип неопределённости. Бор (Олег Табаков), возражая, закуривает трубку. Маргарет (Ольга Барнет) приносит чай и останавливается в стороне, слушая.

Аргументы зачастую приходят из жизней самих учёных. Бор обвиняет Гейзенберга в том, что он согласился взять под контроль создание ядерной бомбы, и в разговоре всплывает смерть одного из сыновей Нильса Бора. «Если бы ты тогда бросился в воду и утонул вместе с ним, то разве кому-нибудь стало бы лучше?» — спрашивает Гейзенберг. Между строчками слышен другой вопрос: «Если бы я тогда отказался и погубил себя, то разве кому-нибудь стало бы лучше?» И появляется обвинение в адрес Бора: как он сам, будучи против войны, мог принимать участие в создании американской атомной бомбы?

Ядерный вопрос поставил многих учёных того времени на неразрешимый моральный перекрёсток, но не только он беспокоит героев пьесы. Ещё и ещё раз возвращаясь к той встрече в 1941 году, учёные вспоминают маленькие совпадения и случайности, которые порой определяли ход всей истории. Тонкая грань отделяла Гейзенберга от осознания (нарочной или нет) математической ошибки, из-за которой провалилась немецкая ядерная программа, Бора — от смерти при встрече немецкого солдата на ночной дороге. И — кто знает? — если бы в эти переломные моменты что-то случилось немного не так, то, возможно, исход войны был бы иным.

Пьеса не отвечает на вопросы. Наоборот — она ставит их, что порой намного важнее. И в конце спектакля, очищенные ото всей шелухи, встают самые сильные и неоднозначные вопросы: благодаря чему, почему и зачем мы живём?

Необыкновенный спектакль — чрезвычайно смелый для современного театра. «Смелый» не в смысле «бесшабашный» — в смысле «не оглядывающийся на то, что треть мест после антракта пустеет; не замечающий того, что кому-то из зрителей может быть непонятна физическая сторона вопроса; не рассчитанный лишь на финансовый успех». С пьесы уходишь с ощущением полноты новых мыслей, странных вопросов; осторожно хранишь цепочки рассуждений, пробегая по ним ещё раз, как по знакомому лабиринту, с любопытством оглядываясь на новые проходы. С благодарностью и уважением кланяюсь театру, создателю и постановщикам этого столь необычного в наше время и тем более прекрасного спектакля.

В мире есть над чем подумать... Не только развлечения ждут нас в жизни. Об этом нельзя забывать.

Принят спектакль был очень неоднозначно. Интересно взглянуть на то, как подобную постановку оценили критики — сравнивая эти отзывы, можно сказать много интересного о нас и нашем обществе... ■

Саша Васильева, 9 класс «А»

♦ Отдадим должное смелости Табакова, не побоявшегося интеллектуальной (хуже клейма в наше время не придумаешь) пьесы и вручившего её режиссёру, впервые работавшему на большой сцене. Видимо, интуитивно Табаков почувствовал, что зрители в этом «интеллектуализме» нуждаются. Правда, где-то в середине первого действия, всмотревшись в лица соседей, я с грустью подумала, что после антракта рискую остаться в зале в полном одиночестве. Ушло, однако, процентов десять. Оставшиеся были доверчивы и дружелюбны. Как они радостно кивали, когда Бор-Табаков, затянувшись трубкой с удивительно вкусно пахнущим табаком и «загнув» очередную научную фразу, обращался в зал: «Понятно?». А когда, в третий раз возвращаясь к подробностям визита Гейзенберга в сентябре 41-го, Табаков сперва спросил у зрителей: «Попробуем ещё раз?», ему весело крикнули: «Ну, давайте!..» Словом, зрители вели себя как дети, до которых взрослые после длительного перерыва снизошли-таки с важным разговором. Они и расходились как-то особенно чинно, расправив плечи, чувствуя себя причастными к чему-то очень серьёзному. Благодарные за то, что их не держали за дураков, позволили отдохнуть от тупой, унижительной безвкусицы и уже ставшей привычной игры по правилам: «мы делаем вид, что хорошо играем, а вы — что вам это интересно».

И не надо стесняться терминов. Ими зрителя не испугаешь. Тем более, что этот грустный, элегичный спектакль — не о физике Гейзенберге с его одиночеством и сломанной блестящей карьерой и не о Боре, сумевшем продолжить карьеру, но не спасшем своего тонущего сы-

на. Он, как произносит в финале Маргрет, «обо всех детях, потерявшихся в пути» — о нас с вами, кого рок водит по тайным тропинкам жизни.

Экран и сцена, 12.04.2003

♦ В чем же загадка «Копенгагена»? Ведь сюжет, рассказывающий о встрече двух великих физиков Нильса Бора и Вернера Гейзенберга во время второй мировой войны, куда как актуален. Проблема ответственности учёного за свои открытия — а речь идет о создании атомной бомбы — сегодня одна из самых обсуждаемых даже на страницах «жёлтой» прессы. Но почему-то зрителей вся эта проблематика, что называется, «не цепляет»?

Олег Табаков (Бор) заставляет сопереживать своему герою, рассказывая о нацистских преследованиях. Это один из сильных моментов спектакля, где актёр через судьбу отдельного человека показывает трагедию целой цивилизации, допустившей чудовищные преступления.

Однако когда разговор смещается в область протонов и нейтронов, зал откровенно начинает скучать. Может быть, этому способствует техногенный аскетизм оформления, воплощающийся в 15 электронных табло с бегущими словами и точками. А может быть, дело в том, что проблемы теоретической физики перестают ощущаться зрителем как часть личной судьбы Бора и Гейзенберга и как часть их личной ответственности перед самими собой и перед человечеством. И без этого пьеса превращается в «Словарь юного физика».

Где, 8.04.2003

◆ Безупречный, но все же утомительный (по контрасту с привычной развлекаловкой), «Копенгаген» тебя очень сильно цепляет и долго не оставляет в покое. А порой провоцирует на какие-то неадекватные вещи. Моя коллега, например, вернувшись домой, зарылась в энциклопедические справочники по физике, а на следующий день убедительно доказывала, что пьеса и спектакль созданы по подобию теории квантовой механики. Вот ведь как? Во всяком случае, ты ощущаешь благодарность за то, что тебя в кои-то веки не держат за дурака, не потешают, а ставят на место собеседника и соучастника. На «Копенгагене» есть, конечно, и бегущие в антракте, но куда больше желающих понять: что же всё-таки происходит? И раз со мной разговаривают столь серьезно, значит, надо соответствовать. Наверное, искренне полюбить этот спектакль тоже пока трудно, уж слишком он не похож на все привычное. Но то, что он в конце концов появился на мхатовской сцене, изрядно себя скомпрометировавшей в последнее время, появился без всяческих скидок, уступок и реверансов кассе или публике, есть безусловная мхатовская победа.

Культура, 6.03.2003

◆ Однако загадочным образом все эти обстоятельства никак не помогли спектаклю, который в пути, увы, потерял цель. И главное, чего не случилось, — осознания режиссером задачи: во имя чего сегодня выходят на сцену МХАТа Бор и Гейзенберг? Ведь не только и не столько для того, чтобы поговорить о квантовой механике, волновой теории или устройстве атома. Временами ход дискуссий наводил на вопрос: не стал ли МХАТ филиалом института Курчатова?

Глухота к высоким вопросам, которые, по сути, и есть сюжет этой пьесы Фрейна, превратила спектакль в производственную пьесу. Ни игры со временем, ни попытки средствами театра осмыслить две правды: «принцип дополнительности» датчанина Бора и «принцип неопределенности» немца Гейзенберга. Ведь это не только постулаты физиков, но и два символа веры. За пугающей терминологией и трудновоспроизводимой лексикой стоят убеждения, страсти, судьбы двух выдающихся людей, попавших в водоворот событий военной и послевоенной Европы.

Россия, 4.03.2003

◆ Зрителю «Копенгагена» желательно быть готовым — во-первых, к обилию терминов физической науки. Помимо апелляции к принципу дополнительности Бора и принципу неопределенности Гейзенберга (на радость заучивавшим текст актерам — без подробностей), вам грозит погружение в мир нейтронов, дейтронов, мезонов, циклотронов и прочих -онов. Уран, барий, криптон, изотопы, квантовая теория и матричное исчисление тоже не однажды всплывают в разговорах на прогулках и в за-

стольных беседах героев («шляться и трепаться!» — вот девиз тех, кто совершает открытия на открытом воздухе).

— во-вторых, к обилию имён физиков-теоретиков и физиков-практиков. Познания автора пьесы не ограничиваются только Альбертом Эйнштейном или Робертом Оппенгеймером. История вопроса изучена Фрейном досконально, так что его учёные мужи в своих словесных баталиях так и сыпят громкими (и не очень) именами: Макс Борн, Паскаль Йордан, Вольфганг Паули, Энрико Ферми, Отто Ганн, Отто Фриш, Лиза Мейтнер и т.п., и т.п.

Учёных мужей понять можно: для них все эти -оны и Отто — как дважды два.

Совет от зрителя, вышедшего после спектакля

Не комплексовать, если не разобрались во всех теоретических деталях. Ибо частности — сугубо научные, глобальные же проблемы — общечеловеческие. Частности отступают, и всё становится предельно ясно.

Признание критика

Душа рецензента, истерзанная в последнее время бесконечным, как степь, театральным стёбом и маниакальной сосредоточенностью искусства на материально-телесном низе, испытывает неизъяснимую благодарность по адресу Миндаугаса Карбаускиса. Предложить сегодня публике интеллектуальную драму, вежливо, но настойчиво потребовать от зала сосредоточенности и терпения — шаг умного и решительного человека.

Вечерний клуб, 6.03.2003

◆ И даже всерьез и надолго увлекшись объяснением залу МХАТа постулатов квантовой физики, они выступают как некие носители языка.

Языка чувств, жестов, традиций, парадных ужинов, отношений, который для них — родной. А большей частью общества как-то... полузабыт.

Уж больно давно никто не говорил, что не владеть этим языком — стыдно.

Новая газета, 3.03.2003

◆ Поставлено (режиссёр Миндаугас Карбаускис), оформлено (сценограф Александр Боровский) и сыграно всё это сухо, но очень элегантно и даже с юмором, весьма неожиданным в таком непросто философском рассуждении. Что там публика понимает, судить не берусь, но она внимательно слушает — это факт.

Итоги, 4.03.2003

◆ Но почему-то во МХАТовской постановке невинность немедкого физика очевидна сразу, и нет никакой надобности три часа следить за логикой доказательства его человеческой и учёной честности. То ли от того, что

русская публика в отличие от европейской не в курсе отношений Бора и Гейзенберга и не имеет ярких симпатий и антипатий, а Борис Плотников играет так трепетно, что заподозрить его героя в чём-либо нехорошем совершенно невозможно; то ли от того, что европейская политкорректность не даёт почувствовать всю глубину конфликта между учёным из оккупированной Дании и его коллегой из фашистской Германии. Тем более что доказательство честности учёного так усыпляюще действует на зрительный зал, как ни один учебник по физике.

Короче говоря, лекция по квантовой механике на фоне этого спектакля кажется необычайно увлекательной. Сокращать пьесу надо было обязательно, а если уж автор так протестовал, то и не ставить вовсе.

Газета.Ру, 25.02.2003

♦ Вполне допускаю, что не всем зрителям большого зала чеховского МХАТа понравится весь вечер слушать рассуждения о квантовой механике и изотопах, хотя на самом деле речь в спектакле, конечно, о другом, но в данном случае театр решил не считать зрителя глупее себя и оказался прав. Кроме того, имена знаменитых актёров на афише привлекательны сами по себе, хотя прелесть постановки как раз в том, что режиссёр не даёт им «разыграться» на все сто: скрытый драматизм гениального Бора, элегантной Маргрет и одержимого Гейзенберга больше говорит о подлинной трагедии времени, чем любые актёрские соло. Словом, это спектакль не внешних эффектов, а внутренних прозрений — нечастое явление на московской сцене.

Московские Новости, 5.03.2003

♦ Представим, что началась очередная война между африканскими племенами. Старые друзья, старейшины этих племен тайно встретились. Один из них подарил другому, скажем, хвост крокодила. И мы посвятим несколько часов подробному размышлению о значении этого подарка и о том, как он повлиял на войну между племенами. Что-то подобное происходит на этом спектакле, где снова и снова мы пытаемся решить, зачем же приезжал Вернер Гейзенберг к Нильсу Бору. Историческая близость этих событий, знакомые имена, и то, что всё происходит в Европе, не делает эту историю менее абстрактной, чем войну между какими-нибудь племенами.

Газета, 28.02.2003

♦ По всем примитивным сегодняшним расчетам, «Копенгаген» должен был провалиться, а он выстоял. Без коммерческих подпорок, без потакания сложившимся вкусам, хотя, правду сказать, можно, можно было бы на полчаса подсократиться... Ну да ладно. «Копенгаген» красив, ироничен и философски глубок. Это прекрасный спектакль. Это большая удача. Тут многое понимаешь про Бора и Гейзенберга — даже необязательно в финале гнать

по табло молчаливую проникновенную мораль; и так ясно, что одна почти случайная встреча, один сентябрьский день сорок первого года фактически решил вопрос о нашем с вами пребывании на этой земле. Решил в положительную сторону. И значит, надо жить. Разные случаются неприятности: не только что твою редакцию, а и страну твою могут оккупировать. Но однажды любому оккупанту достанется исторически справедливый пинок под зад. Люди вон с Гитлером боролись, и ничего — выдюжили.

Жизнь — это такая штука, где главное — ничего не бояться.

Новые известия, 28.02.2003

♦ Будет ли «Копенгаген» иметь успех у зрителя, представляется мне вопросом первостепенной важности. Если сегодняшняя мхатовская публика способна получить удовольствие от трёх часов неспешного раздумья (при том, что мыслитель из Фрейна, прямо скажем, не ахти какой глубокий), можно считать, что все разговоры о «смерти интеллигентского театра», о горестном и ничтожном положении книжечеев, любомудров и т.д. — обычное враньё и самохвальство пошлости. Если же зал театра начнет пустеть, значит, нам всё ещё нечем ответить на враньё и самохвальство.

Время Новостей, 27.02.2003

♦ Люди, не имеющие слуха, как правило, очень любят петь. Пьеса английского писателя-интеллектуала Майкла Фрейна, повествующая о загадочной встрече в разгар Второй мировой войны отцов квантовой механики Нильса Бора и Вернера Гейзенберга, неизбежно пленит читателя, у которого в школе по физике была нетвёрдая тройка. Приятно чувствовать себя на дружеской ноге с протоном. Не знаю, каковы успехи в точных науках у Олега Табакова (Бор) и Бориса Плотникова (Гейзенберг), но в проблемы квантовой теории поля и протонно-нейтронного строения ядра они, а вслед за ними и большая часть зрителей, погрузились с наслаждением истинных неопитов.

Известия, 26.02.2003

21-й КАБИНЕТ

Что такое 21-й кабинет? Это уютный кабинет на втором этаже, где тебя (как минимум) напоят чаем. А как максимум — помогут в разрешении многих жизненно важных проблем: от просьбы дать пластырь до решения задач почти мирового масштаба. Кроме всего прочего, «21-й кабинет» — это рубрика в нашем второшкольном журнале «Голос», где тёплые и душевные Ирина Владимировна, Юлия Сергеевна и Мария Евгеньевна (наши лицейские психологи) помогут тебе найти ответы на почти любые вопросы. Приходите! Пишите! Будем рады помочь!

ЛЮБОВЬ...

Разная такая...

Все мы ищем любви. И вступая в отношения с человеком, испытывая по отношению к нему некие сильные чувства, мы думаем, что любим. Если эти отношения часто причиняют нам боль, у нас появляется представление, что любовь — это мучение, едва ли не болезнь. Только, скорее всего, правильнее назвать эти чувства не «любовью», а «зависимостью».

Зависимость в отношениях — это постоянная концентрация мыслей на «любимом» человеке и зависимость от этого человека. Отношения зависимости в значительной мере определяют эмоциональное, физическое состояние человека, его работоспособность и отношения с другими людьми. То есть, по сути, вся жизнь зависимого человека определяется этими отношениями.

А ведь, не будучи вполне счастливым в одиночестве, именно с этими отношениями человек связывает свою надежду на счастье! Он надеется, что все его душевные страдания, неуверенность в себе, все его комплексы будут излечены любовью. И первое время, возможно, кажется, что так и происходит. Но ощущение это длится недолго. Начинаются конфликты, недопонимание, недовольство предметом «любви» и собой. Не замечая того, человек страдает еще больше, чем страдал в одиночестве, а впереди неизбежное расставание и новая Большая Боль...

Суть отношений зависимости в том, что зависимый человек ощущает себя неполноценным, ему жизненно необходимо заполнить себя Другим. Он готов терпеть любое отношение к себе, лишь бы не быть отвергнутым, лишь бы не остаться в одиночестве. Любовь в зависимых отношениях является способом компенсировать собственную недостаточность, а возлюбленный является объектом, который призван дополнить эту недостаточность до целостного Я.

«Я не чувствую, что живу, когда не состою в любовной связи с ним (с ней)».

«Я не чувствую себя полноценной личностью без него (неё)». Так говорят зависимые.

Но этот способ никогда не достигает цели, потому что не может достичь её в принципе. Зависимые отношения отличаются ненасыщаемостью. Задача заполнения себя с помощью другого человека невыполнима, т.к. внутренняя целостность, полноценность может быть достигнута только в результате развития внутриличностных ресурсов.

В зависимых отношениях психологическая территория одного человека поглощается психологической территорией другого, теряет свою суверенность. Человек живёт не своей жизнью, а жизнью «любимого». При этом пространства для свободного развития личности

почти не остаётся. Зависимые часто говорят: «я живу только для него», «я всё делала для него». При этом они не понимают, что другому не нужна такая жертва, она не удовлетворяет его духовной потребности, поскольку это вызвано не любовью, а желанием быть любимой (любимым).

В зависимых отношениях нет реальной близости, отсутствует реальное доверие. При этом отношения могут быть очень эмоционально насыщены, что может приниматься за любовь: «Ревнует — значит любит». В зависимых отношениях люди используют друг друга для удовлетворения своих неосознаваемых потребностей, отыгрывания искажений своей души. Но эти потребности так и остаются неудовлетворёнными.

Причины эмоциональной зависимости уходят корнями в детство. Если потребность человека в получении любви и заботы не была удовлетворена в детстве, то психологического отделения от родителей не произошло. Отношения с родителями могут быть негативными, могут быть эмоционально отстранёнными, могут быть слишком зависимыми — всё это признаки неотделённости. Неотделённый человек с неудовлетворённой потребностью в любви и принятии будет «залипать» на отношения с другими людьми. Основой зависимых отношений является страх перед жизнью, неуверенность в себе, ощущение собственной неполноценности, повышенная тревожность. Поиски любви будут навязчивой потребностью, условием выживания. Тревожность и неустойчивость, которую человек будет испытывать благодаря непрерывному внутреннему конфликту между потребностью получить любовь и уверенностью в том, что он её не стоит, делает его стремление к получению любви другого человека и наполнению им своего Я главной и навязчивой целью существования.

Чем же отличаются зависимые отношения от истинной любви?

Установить глубокую эмоциональную связь с другим человеком возможно только обретя психологическую автономию. Эти отношения отличает ощущение радости, изливающегося на окружающих от такой пары и свободы. Мотивацией вступления в такие отношения является любовь. Глубокое чувствование партнёра, сотрудничество и доверительность отличает такие отношения.

Уважение к своим и чужим границам, к своим и чужим интересам и потребностям — особенность таких отношений. Такая любовь говорит: «Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь тебе оптимально реализовать свои способности, даже если это означает, что иногда тебе придётся быть далеко от меня и делать что-то без меня». В этих отношениях всегда остаётся большое пространство для удовлетворения своих собственных потребностей, для достижения собственных целей и индивидуального роста личности.

Истинная любовь — это не собственническая любовь, она уважает и восхищается партнёром, а не ис-

пользует его для удовлетворения своих потребностей. В зависимых отношениях партнёр воспринимается как собственность.

Настоящая любовь приносит чувство удовлетворения и ощущение гармонии жизни. В ней мало тревоги и враждебности. А в зависимых отношениях нет ощущения удовлетворённости и гармонии, много недовольства и подавленного гнева, много претензий друг к другу.

По-настоящему любящие независимы друг от друга, автономны, не ревнивы, но в то же время стремятся помочь другому человеку в самореализации, гордятся его победами, великодушны и заботливы. Здесь любовь говорит: «Я могу прожить без тебя, но я люблю тебя и поэтому хочу быть рядом». А люди зависимые слитны друг с другом, у каждого из них нет отдельной психологической территории. Они ревнивы, они собственники, прожить друг без друга они не могут.

Для настоящей любви характерно стремление отдавать, не требуя ничего взамен. Отдавая, любящий человек получает удовольствие, и это само по себе является компенсацией его эмоциональных, физических и материальных затрат. А человек, склонный создавать зависимые отношения, ориентирован на любовь-сделку, любовь-эксплуатацию. Он не может давать, не прося ничего взамен, а отдав, чувствует себя использованным, опустошённым, обманутым.

Любящий человек старается лучше узнать партнёра и реалистично оценивать его качества. Но при этом ценит его таким, каков он есть, и помогает ему лично расти и раскрываться, помогает ради него самого, а не ради того, чтобы он ему служил. У зависимого нет реалистичного представления о партнёре. Он не может принять партнёра таким, какой он есть, он стремится его воспитать и переделать под себя.

Каждый человек, каким бы ни было его детство, работая над собой, может преодолеть свою склонность к зависимости и научиться любить по-настоящему.

Люби вас!

*По материалам статьи психолога
Натали Домкиной © Perejit.ru*

Психологические семинары

А. Э. Колмановского «Поведение в проблемных ситуациях» проходят по субботам в 16.00. Ждём учителей и родителей в 45 кабинете Лицея.

О КОНФЕРЕНЦИИ В ШКОЛЕ

Идея конференции учебно-исследовательских работ притягательна, но бес, как известно, кроется в конкретике:

- Учителя перегружены, а тут ещё надо возиться с не умеющими делать содержательные исследования и презентации школьниками.
- Школьники тоже перегружены: то контрольные, то олимпиады, то матбои и т. п.
- Работа штучная и нестандартная, с неопределённым исходом: в любой момент школьник может заявить, что он устал и не верит в свои силы.
- Если работа не окажется конкурентоспособной на разных ярмарках и конференциях, то учителя никто не похвалит, а ученик разочаруется в своих способностях.
- Если работа не идёт, а она заявлена, то руководитель вынужден её «вытягивать», хотя радости от этого мало.
- Гораздо проще дать ученику готовый материал и выдать его за самостоятельное исследование, чтобы получить «коврижки».
- Да и зачем все эти изыскания, если можно нормально жить, повторяя из года в год одну и ту же школьную программу?

Таким образом, конференция — это удел энтузиастов, как со стороны руководителей, так и со стороны учащихся, причём они должны ещё встретиться и у них должны совпасть интересы. Они могут найти друг друга, но при этом у руководителя удобные для консультаций дни могут не совпасть с удобными днями у школьника... Идеальный вариант, когда учитель находит ученика в своём же классе, но это случается нечасто, тем более, если учитель только что набрал класс или уже выпускает. Бывает, что ученик с ходу загорелся научной работой, а потом быстро понял, что быстрого результата получить не удаётся, и его пыл остывает. А бывает, что ученика надо три года раскачивать, пока он решится взять самостоятельную работу. А есть хитрецы, которые сразу берут в оборот своего родственника или репетитора, чтобы всё сделали к сроку и в лучшем виде... Такие работы часто встречаются на конференциях: плакат сияет, а на любой вопрос докладчик затрудняется ответить, даже о том, что изображено на рисунке или откуда взялась формула.

У некоторых учителей «Второй школы» есть глубоко скептическое отношение к конференциям школьников. Например, Иван Николаевич Хлюстиков считает, что

это профанация научной деятельности. Школьник, сделав примитивную учебную работу, начинает мнить себя учёным и хочет пожинать лавры вместо того, чтобы серьёзно учиться и развиваться, понимая, что открытия делать ему ещё рановато. Другие считают, что побеждают на конференциях только те работы, которые сделаны взрослыми под видом работ школьников, а это приучает способных учеников к обману. Третьи считают, что все конференции — это мероприятия для галочки, что эта форма работы заведомо показушная и только зря отнимает силы.

Если уходить от крайностей, то всё же индивидуальную и групповую исследовательскую работу стоит продолжать, просто она не должна быть массовой и принудительной. Пусть энтузиасты такой работы имеют возможность официально тратить время на учебные исследования и их презентации. Пусть учителя и сотрудники институтов отбирают лучшие работы на немногочисленные и деловые конференции, где в узком кругу профессионалы помогают учащимся расти в научном отношении. Пусть учащиеся участвуют в работе научных сотрудников, помогая им для начала обработать данные и хорошо их представить. Ведь благодарность учителя или учёного за помощь в работе — это большая награда для школьника.

На мой взгляд, без всяких конференций можно бы ввести в школьный обиход традицию брать каждому школьнику маленькую курсовую работу, которую надо оформить письменно и доложить устно к концу года. Польза для будущего будет огромная: умение писать статьи, умение делать доклады, умение выступать и отвечать на вопросы — всё это стратегические навыки, которые пригодятся и в вузе, и в любой профессии.

*Александр Кириллович Ковальджи,
заместитель директора Лицея*

Научная КОНФЕРЕНЦИЯ

фото Игоря Дмитриевича ЖИЖИЛКИНА,
преподавателя математики

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ «ВТОРАЯ ШКОЛА»

50 лет «Вторая школа» является одной из сильнейших физико-математических школ Москвы. Ежегодно наши ученики успешно участвуют во всероссийских и международных соревнованиях и конференциях по математике, физике и информатике. В течение года проводятся конференции, математические бои и другие соревнования. Все наши выпускники поступают в вузы, из них более 70% — в МГУ, остальные — в МФТИ, МИФИ, МГТУ им. Баумана и другие высшие учебные заведения.

В Лицей принимаются ученики 7-9 классов. Для младших школьников работает Вечерняя математическая школа.

Учиться у нас трудно, но интересно. Если Вы любите решать сложные задачи, если Вы трудолюбивы и любознательны, увлечены математикой, физикой или информатикой, но еще не учитесь в нашем Лицее, то мы ждем Вас.

КАК К НАМ ПРОЕХАТЬ

- ♦ от станций метро «Октябрьская» или «Ленинский проспект» на троллейбусах №№ 4, 33, 62, 84 и автобусе № 111 до остановки «Универмаг „МОСКВА“»
- ♦ от станции метро «Университет» на троллейбусе № 4 или автобусе № 119 до остановки «Универмаг „МОСКВА“»
- ♦ от станции метро «Академическая» на автобусе № 119 до остановки «Университетский проспект»

Директор: Овчинников Владимир Федорович

119333, Москва, ул. Фотиевой, 18.
Тел./факс (499) 137-17-69, 137-69-31.

www.sch2.ru
e-mail: sch02@yandex.ru

